

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Николай
Чуковский

ВОДИТЕЛИ ФРЕГАТОВ

«А Б В У К А»

Детская библиотека. Большие книги

Николай Чуковский
Водители фрегатов

«ФТМ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Чуковский Н. К.

Водители фрегатов / Н. К. Чуковский — «ФТМ», — (Детская библиотека. Большие книги)

ISBN 978-5-389-32914-0

Истории Николая Чуковского о морских открытиях и великих путешественниках, вошедшие в настоящую книгу, – поистине сокровище для каждого, кто мечтает стать отважным капитаном и посетить самые дальние уголки нашей планеты. Вместе с Витусом Берингом вы отправитесь в суровые Камчатские экспедиции, с Джеймсом Куком откроете побережья Австралии и Новой Зеландии, с Иваном Крузенштерном и Юрием Лисянским разработаете план первой российской кругосветной экспедиции, а ещё узнаете о нелёгких судьбах других знаменитых путешественников и восхититесь их смелостью и невероятными открытиями. Попутного вам ветра!. Атмосферные иллюстрации Олега Пархаева, выполненные тушью, выразительно дополняют захватывающие морские истории.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-32914-0

© Чуковский Н. К.

© ФТМ

Содержание

Беринг	6
Как родилась идея	8
Глава экспедиции	12
Самая длинная дорога в мире	15
Первое плавание Беринга	20
Пять лет	23
Опять через Сибирь	27
В Якутске	30
Русские в Японии	32
Человек с дурным характером	36
Штеллер едет к Берингу	40
Штеллер на Камчатке	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Николай Корнеевич Чуковский

Водители фрегатов

© Н. К. Чуковский (наследники), 2026

© О. К. Пархаев, иллюстрации, 2026

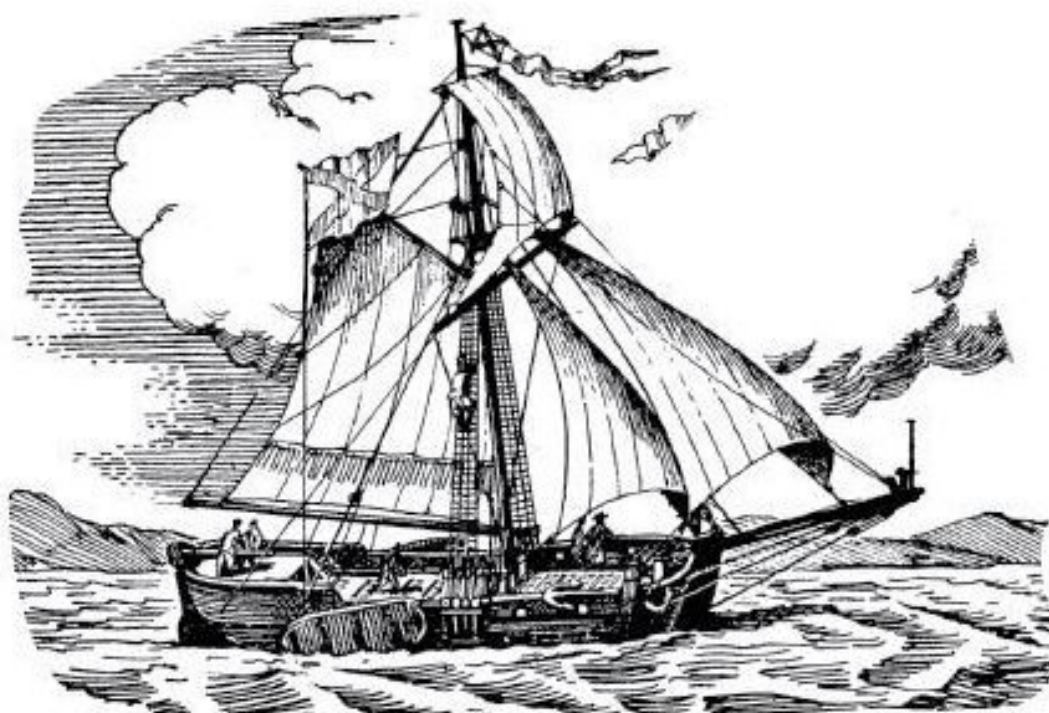
© Оформление ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

© Издательство Азбука®

* * *

Беринг

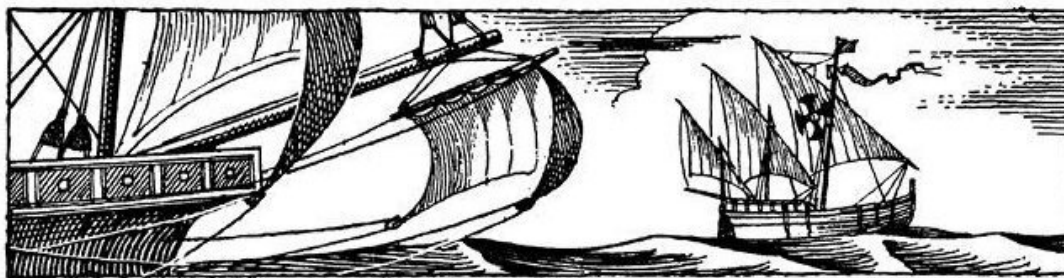
БЕРИНГ

ПЛАВАНИЯ В. И. БЕРИНГА и А. И. ЧИРИКОВА в 1728–1741 гг.

Как родилась идея

Идеи имеют свою историю, и история эта не менее драматична, чем история людей или народов.

В XVII веке, через полтора столетия после открытия Америки, в учёных кругах Европы родилась идея, что Америку нужно открыть ещё раз.

Открыть не так, как её открыл Колумб – плывя с востока на запад, а наоборот – плывя с запада на восток.

К XVII веку всё восточное побережье Американского материка на громадном протяжении от Лабрадора до мыса Горн было уже хорошо известно европейцам. Но западное побережье Америки, примыкавшее к Тихому океану, оставалось почти неведомым.

И Америка представлялась европейцам длинным барьером, отделяющим Атлантический океан от Тихого. И очень узким барьером, потому что в тех местах, где европейцам удавалось пересечь Американский материк, он действительно был очень узок.

Первым пересёк Америку испанец Бальбоа. В 1513 году Бальбоа прошёл с Атлантического побережья до Тихоокеанского. Но переход свой он совершил в Центральной Америке, на Панамском перешейке, в самом узком месте материка, где между двумя побережьями нет и ста километров. В 1520 году Америку пересёк испанский мореплаватель Магеллан, пройдя из Атлантического океана в Тихий проливом, который с тех пор называется Магеллановым. Но там, на крайнем юге, Америка тоже очень узка: длина извилистого Магелланова пролива со всеми его изгибами – несколько сот километров.

В первой половине XVI века испанцы завоевали Мексику и хорошо познакомились с ней. В районе Мексики Американский материк шире, чем в Панаме, и всё же расстояние по прямой между портом Веракрус на атлантическом берегу и портом Акапулько на тихоокеанском – всего 460 километров. Когда, плывя по Тихому океану из Мексики на север, испанские мореплаватели достигли Калифорнии, они приняли её за остров – настолько сильно было их убеждение, что Американский материк узок и не может так далеко простираться на запад. Это же упорное убеждение заставило английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1611 году обогнул с севера полуостров Лабрадор и открыл Гудзонов залив, принять этот залив Атлантического океана за Тихий океан. Он не мог себе представить, что между Гудзоновым заливом и Тихим океаном по самому короткому пути лежит ещё две с половиной тысячи километров суши.

Американский материк представлялся узкой полоской земли, от которой до Европы гораздо ближе, чем до Азии. В том, что от Америки до Азии чрезвычайно далеко, европейцы убеждались на опыте всякий раз, когда испанские, голландские, английские корабли, обогнув Америку с юга, пересекали Тихий океан, стремясь достигнуть берегов Китая, Индии, Индонезии. Чтобы от мыса Горн на юге Америки добраться до азиатского острова Ява, кораблю при-

ходилось пройти почти половину земного круга. Между Америкой и Азией лежит вся ширь Тихого океана, самого большого из земных океанов, и, следовательно, о близости Америки и Азии не может быть и речи.

Однако во второй половине XVII века все эти представления мало-помалу заколебались. В Северной Америке английские и французские колонисты, поселившиеся вначале на Атлантическом побережье, проникали всё дальше на запад, вглубь материка, но сколько они ни шли, они видели перед собой только прерии, леса, горы – и ни малейшего признака моря. Да и испанцы, двигаясь вдоль Тихоокеанского побережья с юга на север, давно уже выяснили, что Калифорния не остров, а часть того же Американского материка. Получалось, что Американский материк вовсе не так узок, как думали раньше. И главное, чем дальше к северу, тем оказывался он шире.

В это же примерно время учёные люди Западной Европы начали понимать, что и Азия, по-видимому, не такова, какой она представлялась раньше. До тех пор считалось, что Китай является самой восточной частью Азиатского материка. Но во второй половине XVII века в Европу стали проникать смутные сведения, что Азиатский материк в северных областях простирается к востоку гораздо дальше Китая.

Сведения эти проникали из России.

Русские прошли всю Сибирь за одно столетие – между царствованием Ивана Грозного и царствованием Алексея Михайловича. Продвижение русских на восток в основном не было военным по своему характеру. В Сибири, в сущности, не с кем было воевать – она была пустынна. Те немногие люди, которые кое-где обитали на её безграничных просторах, жили ещё родовым строем, в условиях каменного века, и в большинстве случаев не оказывали пришельцам никакого сопротивления. Впереди русского наступления шли не солдаты, а так называемые промышленники. В те времена это слово имело совсем не то значение, что теперь. Промышленниками называли людей, которые промышляли пушного зверя, то есть охотников. Вывоз пушнины составлял одну из самых важных и доходных статей русского экспорта, и промышленники в погоне за собольим, беличьим, лисьим, песцовым, котиковым мехом шли сквозь тайгу всё дальше и дальше на восток. Они пересекли Обь с Иртышом, Енисей и дошли до Байкала и Лены. Уже земли за Леной находились восточнее восточных областей Китая, а между тем материк всё не кончался. Двигаясь на восток, промышленники пересекли Индигирку, Колыму и вышли наконец на берег Охотского моря. Но и за Охотским морем, дальше к востоку, оказалась ещё Камчатка, которая тоже, безусловно, была частью Азиатского материка. А от промышленников, двигавшихся по побережью Ледовитого океана, стало известно, что на севере Азия простирается к востоку даже дальше Камчатки.

Сведения об этих открытиях, не вполне ясные, просочились в Западную Европу, и европейским учёным конца XVII века Тихий океан стал представляться иначе, чем раньше. Они начинали понимать, что он имеет форму грандиозной арки, свод которой состоит из двух материков, постепенно сближающихся на севере, – Азии и Америки. Существует ли между ними пролив? И если существует, широк ли он? Теперь уже некоторым казалось, что там, на севере, Азия и Америка не только сближаются, но даже сливаются воедино.

Вопрос этот вовсе не был только научным вопросом, напротив – сугубо практическим и волновал европейцев прежде всего своей практической, деловой стороной. Это был вопрос о кратчайшем пути в страны Тихого и Индийского океанов. В те времена, чтобы попасть в Тихий или в Индийский океан, европейским купцам и мореплавателям приходилось огибать либо южную оконечность Африки, либо южную оконечность Америки. Оба эти пути были очень длинны, так длинны, что съедали почти весь доход от торговли. Путь до Китая, до Индии укоротился бы втрое, вчетверо, если бы европейские корабли могли огибать Азию или Америку не с юга, а с севера. Но это возможно только в том случае, если между Азией и Америкой где-

то на севере существует пролив. Если такого пролива нет, нет и надежды на короткий морской путь в Тихий океан.

Из европейских учёных этой проблемой больше всего интересовался Готфрид Вильгельм Лейбниц. То был самый великий учёный конца XVII века, если не считать Ньютона. Занимался он математикой, правом, философией, физикой, астрономией, географией. У него была мировая слава, но не было средств к жизни, и, чтобы существовать, он служил библиотекарем при дворе ганноверского герцога.

В 1697 году русский царь Пётр Первый возвращался из Голландии в Москву, и путь его проходил через Ганновер. В Ганновере состоялась встреча царя с прославленным учёным. По-видимому, встреча эта была одинаково интересна и для того и для другого. Из бумаг, сохранившихся у Лейбница, видно, что Лейбниц убеждал царя составлять карты, производить астрономические наблюдения, изучать склонения магнитной стрелки и, наконец, главное – исследовать берега Северо-Восточной Азии, чтобы узнать, соединяется ли Азия с Америкой, или же они разделены проливом.

И Пётр дал Лейбницу твёрдое обещание выполнить всё, что он советует. Но выполнил не скоро.

Перед Петром стояло множество других неотложных задач. Вернувшись в Москву, он подавил стрелецкий мятеж. Потом началась так называемая Северная война – война со Швецией, занимавшая все помыслы Петра. У Петра не было ни времени, ни возможности заниматься исследованием Северо-Восточной Азии. Но об обещании, данном Лейбницу, он не забыл.

Не забыл и Лейбниц. В 1711 году, через два года после разгрома шведов под Полтавой, Лейбниц написал письмо в Петербург Брюсу, приближённому сановнику Петра, в котором спрашивал, нет ли новых данных для разрешения спора о существовании пролива между Азией и Америкой. «Никто, – писал Лейбниц, – не может лучше царя разрешить миру это сомнение, и это будет славнее и даже важнее, чем всё, сделанное в своё время египетскими царями для исследования истоков Нила».

Два года спустя, в 1713-м, Лейбниц написал письмо самому Петру – всё о том же. А в июле 1716 года, через девятнадцать лет после первого свидания, состоялась новая встреча Лейбница с Петром.

Они встретились в Брауншвейге на «лечебных водах» и беседовали, причём всё о том же. О разговорах во время этой встречи Лейбниц написал в письме к одному своему приятелю так: «Царь осведомляется о всех механических искусствах; но главный его интерес сосредоточивается на всём, что относится к мореплаванью, и поэтому он любит также астрономию и географию. Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой».

Но Лейбницу не удалось дожить до решения так волновавшего его вопроса. В конце 1716 года он умер.

А Пётр не торопился с выполнением его плана. По-видимому, у него просто не было времени этим заняться. Война со Швецией всё ещё продолжалась и окончилась только в 1721 году победоносным Ништадтским миром. Россия твёрдо встала на берегах Балтийского моря. После заключения мира у Петра оказалось достаточно дел. Ему уже мало было называться царём, он провозгласил себя императором и весь ушёл в преобразование своей империи. Осенью 1724 года он принял участие в спасении матросов тонущего в Финском заливе судна. Выкупавшись в холодной воде, пятидесятидвухлетний император простудился и тяжело заболел.

Вот тогда, во время смертельной своей болезни, перебирая в уме огромное скопище дел, которых он, совершивший так много, хотел, но не успел совершить, он вспомнил всё, что обещал Лейбницу. В январе 1725 года, тяжело больной, собственной рукой написал он наказ для экспедиции, которая должна отправиться на Камчатку, а оттуда плыть на север и выяснить, существует ли пролив между Азией и Америкой.

Вот этот наказ:

«1) Надлежит на Камчатке или в другом тамож месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах плыть возле земли, которая идёт на Норд и по чаянью (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где она сошлась с Америкой».

Начальником экспедиции Пётр назначил капитана флота Витуса Беринга.

В помощники ему определил Мартына Шпанберга и Алексея Чирикова.

Через несколько недель Пётр умер.

Глава экспедиции

Почему выбор Петра пал на Витуса Беринга – загадка, которую нелегко отгадать.

Замечательные, выдающиеся люди, совершающие великие дела, люди, о которых человечество сохранит память навсегда, чрезвычайно различны. Но у них обычно есть одна общая черта – они одержимы тем делом, которому служат. Они влюблены в своё дело, будь это наука, искусство, революция, они отдают ему все силы своей души, и потому им удаётся совершить великое. Этой черты замечательного человека у Беринга не было. Дело, которому он отдал свои силы, было действительно замечательным. Но он не любил его, не интересовался им и делал его поневоле.

Он заново – после Колумба – открыл Америку, плывя к ней не с востока на запад, как Колумб, а с запада на восток. Он открыл пролив, отделяющий Азию от Америки, и этому проливу присвоено его имя. Северная часть Тихого океана называется морем Беринга. Остров, на котором он умер, называется островом Беринга. Командорские острова называются так потому, что Беринг в конце своей жизни носил чин капитан-командора. Витус Беринг, совершив подвиг, который привёл его к гибели, сделал замечательные открытия, расширил познания человечества о земном шаре, обогатил науку и осуществил идею Лейбница, поддержанную Петром. Но к подвигу сам он не имел никакой склонности, науками не интересовался и к идее Лейбница был совершенно равнодушен.

Таков был этот странный замечательный человек. И всё-таки безусловно замечательный. В этом человеке, который всем окружающим казался человеком заурядным, лишённым больших интересов, вялым, таилось какое-то неприметное для других свойство, которое дало ему возможность в труднейших условиях довести до конца великое дело, потребовавшее от него огромной отваги, умения управлять людьми и, главное, терпения и упорства.

Но не будем судить его, не в этом наша задача. Постараемся собрать воедино все те скудные, отрывочные сведения о нём, которые сохранились за два с половиной столетия, прошедшие со времён его деятельности, и попытаемся увидеть его таким, каким он был, не скрывая его недостатков и не убавляя его достоинств.

О первых сорока четырёх годах его жизни мы знаем очень мало.

Витус Беринг родился в Дании, на Ютландском полуострове, в городе Хорсенсе в 1681 году. Образование он, по-видимому, получил самое ничтожное и вырос в бедной семье. В 1703 году, двадцати двух лет от роду, он на голландском корабле совершил плавание в Индию. Об этом его плавании ничего не известно. Вероятно, служил он на корабле простым матросом. Но плавание это создало ему репутацию бывалого моряка. Благодаря этой репутации Пётр Первый принял его на службу в русский флот и дал ему чин мичмана.

Этому способствовало и то, что Беринг был датчанином.

Россия воевала со Швецией, и Дания была союзницей России. В 1704 году Беринг поступил на русскую службу, переселился в Россию и больше никогда у себя на родине не бывал. Он, видимо, быстро обрусел – сохранившиеся его письма и служебные донесения свидетельствуют, что русским языком владел он легко и свободно.

Следов о первых двадцати годах его службы в русском флоте осталось мало. Беринг в России начал с того, что возил лес на остров Котлин, где строилась «фортеция» Кроншлот (будущий Кронштадт). Потом он командовал дозорным судном, следившим за действиями шведского флота. В 1711 году он участвовал в Прутском походе Петра против турок, командуя двадцатипушечным кораблём. Прутский поход был для Петра неудачен, пришлось вернуть Турции завоёванный за несколько лет перед тем Азов, и участники этого похода не получили ни наград, ни повышений. Беринг вернулся на Балтику. Шла война со Швецией, русский флот был беспрестанно в боях, отличившиеся моряки упоминались в репортажах, получали награды,

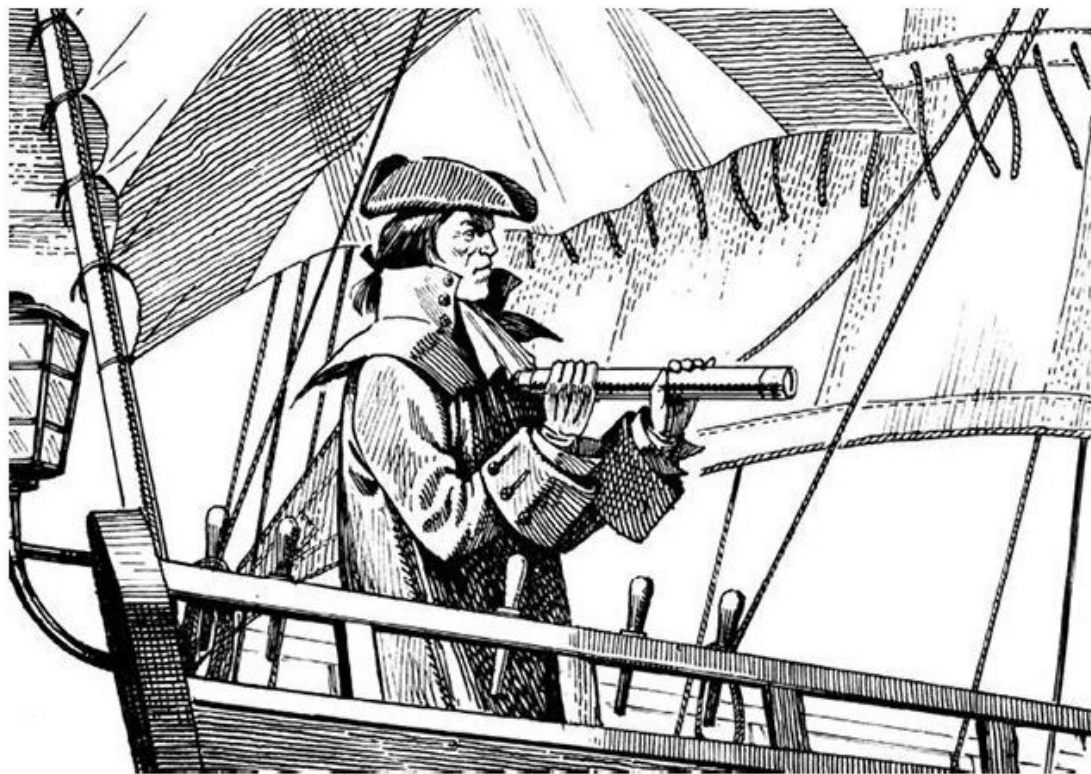
повышались в чинах. В реляциях и наградных списках Беринг не упоминался. Правда, к концу войны Витус Беринг был уже не мичманом, а капитаном. Однако, если принять во внимание, что он семнадцать лет прослужил на войне, а во время войны способные люди продвигаются особенно быстро, можно только удивляться, что Беринг стал всего лишь капитаном.

В последние военные годы капитан Беринг командовал девяностопушечным фрегатом. В 1721 году, при заключении мира, множество офицеров получило повышение в чинах. Но Беринга обошли, он так и остался капитаном. Это обидело его, и он подал в отставку. Видимо, он надеялся этим повлиять на начальство и добиться повышения. Но начальство почему-то было им недовольно – почему, мы не знаем. Расчёт не удался – отставка его была принята.

В те годы он уже имел семью, которую поселил в Выборге, в маленьком доме. Выйдя в отставку сорока лет, он оказался без всяких средств к существованию. Он подождал немного и подал прошение разрешить ему вернуться на родину, в Данию. Он опять рассчитывал, что его не отпустят и вернут на службу. И опять расчёт не удался – 10 марта 1724 года ему выдали заграничный паспорт. Он мог ехать куда угодно, в нём не было нужды. Это ужаснуло Беринга. Что ему делать в Дании, где он не был больше двадцати лет, где у него нет ни связей, ни положения, ни денег? Он заметался. Вместо того чтобы уехать, он стал беспрестанно обращаться в адмиралтейств-коллегию с просьбами восстановить его на службе. В этих просьбах он всякий раз указывал, что когда-то совершил плавание в Индию. Вероятно, это плавание он считал своим главным козырем, потому что в тогдашнем русском флоте мало было моряков, которым доводилось ходить на кораблях так далеко. Впрочем, он заранее соглашался на любую должность.

В августе 1724 года его просьбы наконец уважили и Беринга вернули на флот. Он опять стал командовать фрегатом, но уже не девяностопушечным, а гораздо меньшим – шестидесятипущечным. И чин у него остался прежний – чин капитана флота.

До нас дошёл всего один портрет Беринга, да и тот не вполне достоверный. На портрете изображено лицо толстяка с одутловатыми мягкими щеками, полными губами и двойным подбородком. Судя по описаниям, такой он и был – рослый рыхлый толстяк с мягким, нерешительным характером. О его медлительности и нерешительности единодушно пишут все, кто с ним вместе плавал. Отмечали и ещё одно его свойство – он был мягок со своими подчинёнными. В тот жестокий век это все считали недостатком, даже подчинённые.

И вот этому человеку, который за сорок четыре года жизни не совершил ничего выдающегося и которым явно были недовольны, Пётр Первый поручил выполнение грандиозного замысла Лейбница – заново открыть Америку и узнать, далеко ли до неё от Азии.

Почему?

Нам это неизвестно, и мы можем только строить предположения. Безусловно, некоторую роль здесь играло то, что Беринг в далёкой юности совершил плавание в Индию. Пётр, конечно, это учитывал, но вряд ли это обстоятельство было решающим. Есть даже предположение, что Беринг был назначен начальником экспедиции именно потому, что им были недовольны.

Сейчас это кажется донельзя странным, неправдоподобным. А между тем в России XVIII века, да и позже, это казалось вполне естественным. Ведь Беринга направляли в Сибирь, а Сибирь была местом ссылки. И не только для тех, кого туда действительно ссылали, но и для всех чиновников, которых туда отправляли служить. Если какого-нибудь вельможу назначали в Тобольск сибирским губернатором, он знал, и все знали, что назначен он туда в наказание. Что, если Беринга отправили открывать Америку, потому что считали недостойным служить в Петербурге?

Это предположение, казалось бы, подкрепляется тем, что Беринг был явно недоволен своим назначением. В своих письмах к разным влиятельным людям, написанных за годы обеих его экспедиций, он снова и снова просит походатайствовать, чтобы его освободили от должности начальника экспедиции и дали ему возможность вернуться домой, к семье. Он не стремился совершать подвиги, он не хотел знать, далеко ли от Азии до Америки.

И всё-таки предположение это безусловно неверно. Пётр слишком долго вынашивал идею нового открытия Америки, слишком дорожил ею, чтобы отдать её в руки человека недостойного, неспособного довести её до конца. Он хорошо знал свой флот и своих офицеров. Он отгадал в Беринге такие качества, которые заставили его остановить свой выбор именно на нём.

И, как показало дальнейшее, в выборе своём Пётр не ошибся.

Самая длинная дорога в мире

Итак, Беринг не хотел отправляться в путешествие. Но у него не было никакого выхода.

Только выполнив инструкцию Петра, он мог вернуться в Петербург. Он был подобен человеку, которого загнали в трубу и который понимает, что он может вылезти на свет, только проползая всю трубу до конца. И, поняв это, он принялся за выполнение своей задачи с удивительным упорством, настойчивостью, деловитостью.

Через несколько недель Пётр умер, но приказ его оставался приказом. Власть над Россией оказалась в руках Меншикова, ближайшего друга Петра и крупнейшего вельможи петровского времени. Александр Меншиков, сын конюха, торговавший в детстве пирогами на улицах Москвы, был человек неродовитый, и родовая знать – потомки князей и бояр – ненавидела его. Родовая знать мечтала возвести на престол малолетнего внука Петра, которого также, как деда, звали Петром Алексеевичем, потому что он был единственным сыном царевича Алексея Петровича, сына Петра от первого брака. Алексей Петрович всю жизнь был сторонником знати и врагом отцовских нововведений, и Пётр казнил его. Теперь, когда Пётр умер, знать мечтала о возведении на престол сына казнённого царевича. Но Меншиков решил иначе. Опираясь на созданную Петром гвардию, он возвёл на престол вторую жену Петра, Екатерину, которая стала императрицей Екатериной Первой.

Так впервые в истории на русском престоле оказалась женщина.

Как и Меншиков, Екатерина Первая не отличалась родовитостью. Она была дочерью литовского крестьянина и в юности служила нянькой у одного лютеранского пастора в Прибалтике. Звали её тогда Мартой. Екатериной она стала, когда перешла в православие, чтобы выйти замуж за Петра. Пётр влюбился в неё во время одного из своих походов, и Меншиков, лучший друг Петра, способствовал этому браку. К Меншикову Екатерина относилась отлично, и тот, возводя её на русский престол, знал, что власть останется у него в руках.

Меншиков, ближайший сподвижник Петра, овладев властью, всюду подчёркивал, что он будет продолжать политику Петра. Естественно, нечего было рассчитывать, что он отменит указ, подписанный Петром перед самой смертью. Беринг понимал это и спешно готовился к отъезду.

Указом Петра были назначены и два главных помощника Беринга – лейтенанты Мартын Шпанберг и Алексей Чириков. Мартын Шпанберг, как и Беринг, был родом датчанин. Однако общего между ними не было ничего, они не любили друг друга и не радовались, что им придётся служить вместе. В отличие от Беринга Шпанберг плохо говорил по-русски, ещё хуже читал и писал. У него была репутация хорошего моряка, но грубого, жестокого человека. В XVIII веке грубость и жестокость были явления обычные и привычные, и поэтому нужно было быть действительно очень грубым и очень жестоким, чтобы современники это заметили. Шпанберг был на редкость груб и жесток, подчинённым своим постоянно угрожал кнутом и виселицей и даже своему товарищу по службе, лейтенанту Чирикову, сулил отрубить нос и уши. Вопрос о том, существует ли пролив между Азией и Америкой, не занимал его нисколько. Но моряк он был превосходный, морское дело знал в совершенстве – и суда умел строить и водил их хорошо. В отличие от Беринга в экспедиции он видел для себя возможность сделать карьеру и старался этой возможностью воспользоваться.

Лейтенант Алексей Ильич Чириков, третий участник экспедиции, назначенный самим Петром, был человек совсем другого склада. Современники отзываются о нём как о человеке образованном, серьёзно начитанном. Морское дело и историю открытий знал он превосходно. По-видимому, лишь ему одному из троих научные цели экспедиции были не только вполне понятны, но и дороги. Однако в то время он был крайне молод – ему шёл только двадцать второй год. Незадолго перед тем он окончил морскую академию в Петербурге, и окончил её

блестяще. В лейтенанты он был произведён досрочно, «за знание наук, другим не в образец», но в дальних походах не бывал и особого уважения в морских кругах завоевать не успел. Естественно, что такие моряки-практики, как Беринг и Шпанберг, не имевшие никакого образования, но обладавшие огромным опытом, не склонны были с ним особенно считаться. К тому же по характеру он был очень скромен и словно нарочно старался держаться на втором плане. Приказания Беринга, своего прямого начальника, он исполнял точно и безропотно, Шпанберга он терпеть не мог и порой, за долгие годы совместной службы, открыто враждовал с ним. Но и во вражде проявлял мягкость, уступчивость, и грубый, самоуверенный Шпанберг мало с ним считался.

Люди, входившие в состав экспедиции, покидали Петербург отдельными группами между 24 января и 5 февраля 1725 года. Всего отправилось свыше шестидесяти человек – матросы, солдаты, штурманы, гардемарины. Их сопровождал огромный обоз – паруса, снасти, якоря, цепи, гвозди для постройки судов, продовольствие. Сейчас трудно себе даже вообразить, какие трудности им предстояло преодолеть, чтобы добраться через Сибирь до берегов Тихого океана. Тракт, по которому можно было ехать на лошадях, доходил только до Тобольска. Дальше до самого Охотского моря не существовало ни троп, ни дорог.

До Тобольска ехали через Вологду, Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Соликамск, Тюмень. Путь этот проделали для конного обоза очень быстро – за полтора месяца. 16 марта 1725 года экспедиция со всем обозом прибыла в Тобольск, на берег Иртыша.

Едва вскрылся Иртыш, экспедиция, захватив все свои грузы, села в лодки и поплыла вниз по течению – до впадения Иртыша в Обь. Затем двинулась вверх по Оби – до впадения в Обь реки Кеть. Затем двинулась вверх по Кети – почти до самых истоков. От истоков Кети до Енисейска всего 70 километров. Этот участок пути проехали на лошадях и оказались на берегу Енисея.

Опять перегрузились в лодки и двинулись вверх по Енисею – до впадения в Енисей Ангары. Пошли вверх по Ангаре – до впадения в Ангару Илима. Свернули в Илим. Был уже конец сентября, Илим замерзал. Двигались до последней возможности, но вскоре пришлось остановиться и зазимовать.

Весной следующего, 1726 года, чуть вскрылись реки, двинулись в дальнейший путь. От верховьев Илима недалеко до Лены. Перевалив через водораздел на лошадях, они вышли на берег Лены возле села Усть-Кут. Опять пересели в лодки и поплыли вниз по течению Лены до Якутска. В Якутск прибыли во второй половине июня 1726 года.

Осталась самая трудная часть пути. Реки между Леной и Охотским морем быстры, порожисты, малосудоходны и, главное, не сплетаются своими притоками так, как реки бескрайней сибирской равнины. От Якутска до Охотска не было в то время даже тропы – сплошная листовенничная и кедровая тайга, покрывающая сопки. А между тем отряд Беринга, проходя через Сибирь, сильно вырос – главным образом за счёт плотников и других мастеров, которые необходимы были для строительства корабля. Беринг нанимал их всюду, где только мог. Но особенно выросли грузы. К востоку от Лены нигде нельзя было достать никакого продовольствия, кроме, может быть, рыбы. В Якутске нужно было запастись мукой на несколько лет вперёд. Муки требовалось так много, что добыть её всю сразу оказалось невозможным. Нужно было найти выход из положения, и Беринг составил такой план.

Он разделил экспедицию на три отряда. Первый отряд должен был отправиться верхом на лошадях, захватив с собой большую часть заготовленной провизии и лёгкие вещи. Этот отряд возглавил сам Беринг. Второй отряд, захватив самые тяжёлые и громоздкие грузы, должен был на лодках попытаться пройти по рекам как можно ближе к Охотскому морю. Во главе второго отряда Беринг поставил Шпанберга. Третий отряд должен был зазимовать в Якутске, чтобы заготовить как можно больше продовольствия и весной 1727 года доставить это продовольствие в Охотск. Этот отряд, самый малочисленный, поручен был Чирикову.

Первый отряд двинулся из Якутска в конце августа на 663 лошадях. На каждую лошадь было навьючено пять пудов груза. Путь до Охотска был настолько тяжёл, что 267 лошадей пали по дороге. И всё же Беринг со своим отрядом был в Охотске уже в первой половине октября – через двадцать месяцев после отъезда из Петербурга.

Гораздо хуже обошлось дело с речным отрядом Шпанберга. Он двинулся в путь на тринадцати плоскодонных лодках. Лодки были плоскодонные, чтобы легче проходить в мелких местах, но это помогло мало, потому что они были тяжело нагружены и сидели глубоко. Поплыли сначала вниз по Лене – до впадения в Лену реки Алдан. Двинулись вверх по Алдану – до впадения в него Майи. Поплыли по Майе – до впадения Юдомы. Из всех рек Ленского бассейна Юдома ближе всех подходит к Охотскому морю. Шпанберг знал, что на берегу той излучины реки, откуда ближе всего к Охотску, поставлен большой деревянный крест. Этот опознавательный знак на Юдоме так и называли в то время – Юдомский крест. Нужно было во что бы то ни стало дойти до Юдомского креста, прежде чем Юдома замёрзнет. Сделать это Шпанбергу не удалось.

Лодка его вмёрзла в лёд за несколько сот километров от Юдомского креста. Случилось это уже в начале ноября. Что делать дальше? Зимовать здесь и тронуться в дальнейший путь следующим летом? Но ведь без этих грузов построить корабль невозможно. Застранешь тут, и морское плавание отложится на целый год. Шпанберг был деятелен и энергичен, допустить такой задержки он не мог. Он потребовал от якутов и тунгусов, живших по берегам Юдомы, чтобы они доставили ему собачьи упряжки и нарты. Заставить их он мог только силой, и он заставил их силой – кнутом и виселицей. Ему удалось собрать сто упряжек и нарт, и он перегрузил на них то, что было в лодках. Но и на ста нартах весь груз не поместился, и часть его пришлось оставить на берегу.

Начался чудовищный по трудности зимний переход, в самые морозы, через горы, леса и снежные пустыни. Вместе с нартами шли их владельцы – якуты и тунгусы, насильно мобилизованные Шпанбергом. Продовольствия не хватило, начался голод. «Идучи путём, – писал впоследствии Беринг в своём донесении, – оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мёртвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные». Тунгусы разбегались, уводя своих собак, Шпанберг пытался их ловить, но они бесследно пропадали в тайге. Переход длился два месяца. К концу января 1727 года сорок нарт из ста добрались до Охотска. Недоставленные грузы с шестидесяти нарт, брошенные, валялись в снегу на всём протяжении пути.

А между тем в Охотске у Беринга создалось крайне трудное положение. Охотск, единственное тогда русское поселение на Охотском море, состоял в те времена всего из десяти изб. Пришедшие с Берингом люди не могли в них поместиться, и прежде всего нужно было строить жильё. Нужно было строить амбары для грузов. А тут оказалось, что лошадей, приведённых Берингом, совершенно нечем кормить, и они ежедневно десятками околевали от голода. Пользы от них не было никакой, и людям на себе приходилось таскать камни, брёвна, глину. И вот вдруг в середине зимы выяснилось, что Шпанберг растерял в пути большую часть грузов, необходимых для постройки корабля. Надо было немедленно спасать грузы. Беринг сразу же послал всех людей, способных двигаться, обратно на Юдому. Теперь уже не было и собак, и люди волочили нарты на себе. Дело это в февральские морозы оказалось до того мучительным и трудным, что многие умерли в пути. Разбегались теперь не только тунгусы, но и русские. Но Шпанберг наказывал непокорных с обычной своей жестокостью, и к апрелю большая часть грузов была уже в Охотске.

Теперь Берингу предстояло решить, что делать дальше. Откуда начать своё морское плавание к северу? В инструкции Петра говорилось об этом довольно неопределённо: «Надлежит на Камчатке или другом таможем месте сделать два бота с палубами». Следовательно, Беринг, не нарушая инструкции, имел право построить свой корабль в Охотске и начать плавание отсюда;

обогнув Камчатку с юга, он мог двинуться на север, не прибегая к перегрузкам. Это было бы наиболее естественно и с точки зрения затраты труда и времени наиболее выгодно. Однако Беринг отверг этот план. Он остановился на другом: переправить грузы на восточное побережье Камчатки, там построить корабль и оттуда начать плавание. Возможно, здесь сказалась присущая ему нелюбовь к слишком решительным поступкам. Кроме того, у него, видимо, было преувеличенное представление об опасности плавания вокруг Камчатки. Но скорее всего, его соблазнил недостроенный шитик, который он обнаружил в Охотске. Этот шитик легко было достроить за несколько недель. На нём можно было пересечь Охотское море и добраться до Камчатки. Но конечно, нечего было и думать плыть на нём по Тихому океану к Северу.

Шитики строили так: в основу клали выдолбленный древесный ствол, который назывался «трубой», или «днищем»; к нему нашивали боковые доски – отсюда и название «шитик». Получалось судно длиной метров десять, шириной – метра четыре. Достроив найденный в Охотске шитик, Беринг назвал его «Фортуной». Он немедленно начал грузить «Фортуну», но, конечно, в ней не поместилась и половина грузов. Уже 30 июня «Фортуна» под командованием Шпанберга вышла в море и взяла курс к Камчатке, но не к восточному её побережью, а к ближайшему, западному, к устью реки Большой, впадающей в Охотское море.

Через несколько дней, 3 июля, в Охотск прибыл Чириков со своим отрядом. Переход, в отличие от Шпанберга, он совершил вполне благополучно и привёз из Якутска 2300 пудов муки. Узнав о распоряжениях Беринга, он остался ими недоволен и не скрывал этого. Он считал, что если уж отказались от мысли строить большой корабль в Охотске, то нужно было попытаться переправить грузы прямо на восточный берег Камчатки. Но говорить об этом было поздно, потому что «Фортуна» уже ушла в море.

Шпанберг в несколько дней достиг устья реки Большой и сразу же приступил к разгрузке. В устье Большой находилось русское поселение из четырнадцати дворов – Большерецкий острог, или попросту Большерецк. Здесь Шпанберг нашёл ещё один шитик и сразу же овладел им. И на двух шитиках пустился в обратный путь через Охотское море.

В Охотске оба шитика захватили оставшиеся грузы и необходимых людей. 3 сентября Беринг со всей экспедицией был уже в Большерецке.

Путь дальше, к восточному побережью Камчатки, наметили так: плыть вверх по реке Большой сколько возможно, затем на санях добраться до реки Камчатки, которая течёт на восток, и по ней достигнуть Тихого океана. Это был старинный традиционный русский способ путешествовать: вверх по одной реке, потом волоком через водораздел и дальше – по другой реке. На русских и сибирских равнинах, изрезанных реками, лучшего способа не существовало. Но здесь, на Камчатском полуострове, мог быть и другой способ – обогнуть полуостров морем. Этот способ освобождал от перегрузок – обстоятельство очень важное, если принять во внимание, какой огромный груз везла с собой экспедиция. Однако Беринг, всегда считавший обычное менее рискованным, предпочёл двигаться по рекам.

Построили лодки, перегрузились и пошли вверх по Большой. Стояла уже глубокая осень. Когда выпал снег и река стала, перегрузились на нарты, запряжённые собаками. Здесь действовали так же, как между Якутском и Охотском: силой отбирали собачьи упряжки у камчадалов и силой заставляли хозяев собак сопровождать экспедицию в качестве погонщиков и носильщиков. Для камчадалов экспедиция Беринга была бедствием – занятые перевозкой грузов, они упустили удобное время зимней охоты, которая кормила их в течение всего года, а собаки – единственная их драгоценность – почти все погибли. Камчадалы разбегались, бунтовали, но Шпанберг укрощал их с обычной своей жестокостью. Беринг писал в донесении об этом переходе: «Каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снега, а сверху покрывали, понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему называются пурга, и ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, отчего и умирают».

До устья реки Камчатки, до Тихого океана, добрались в марте 1728 года. Больше трёх лет прошло с того дня, когда экспедиция вышла из Петербурга. 4 апреля заложили корабль, которому дали имя «Св. Гавриил». На постройку корабля ушла вся весна. «Св. Гавриил» имел в длину 21 метр – по тем временам не малый корабль – и к первым числам июля был уже готов. 8 июля его спустили на воду и начали спешно грузить. Провианта взяли на год на сорок человек.

Первое плавание Беринга

Пошли, как было указано в инструкции Петра, вдоль азиатского берега на север. Берег чем дальше к северу, тем больше отклонялся на восток, как бы навстречу Америке. Впрочем, места эти были уже русским знакомы и приблизительно нанесены на карты. 28 июля миновали устье реки Анадырь. Это было самое восточное место Азии, о котором в те времена имелись хоть сколько-нибудь ясные сведения. О землях дальше к востоку известно было лишь по смутным слухам.

К северу от устья реки Анадырь Беринг открыл губу, которую назвал бухтой Креста. После бухты Креста берег круто повернул на восток и даже на юго-восток. 6 августа «Св. Гавриил» подошёл к устью маленькой речки и стал на якорь, чтобы наполнить бочки пресной водой. К нему в кожаной лодке-байдарке приплыли восемь чукчей. Беринг разрешил им взойти на борт и стал расспрашивать с помощью переводчиков-коряков, взятых на Камчатке. Из расспросов этих удалось узнать очень мало – по-видимому, коряки плохо понимали чукчей. Однако всё же удалось установить одно важное обстоятельство: чукчам была известна река Колыма, впадающая в Северный Ледовитый океан. Этим особенно заинтересовался Чириков – вот, казалось бы, доказательство, что Тихий океан соединяется с Северным Ледовитым! Чириков принялся сам расспрашивать чукчей, но его ждало разочарование. Выяснилось, что чукчи ходили к Колыме не морем, а по суше. Можно ли пройти из их селения до устья Колымы морем, они не знали.

10 августа азиатский берег опять круто повернул к северу. Чирикова это обрадовало, – быть может, тут начинается пролив, соединяющий Тихий океан с Ледовитым. Он сказал об этом Берингу, и тот, к удивлению его, ответил:

– Вот и хорошо. Пролит найден, Азия с Америкой не соединяются, и мы можем вернуться.

Чирикова ответ этот поразил. Он стал доказывать, что пролив нужно пройти до конца и повернуть только тогда, когда они убедятся, что действительно находятся в Ледовитом океане. Кроме того, нужно определить ширину пролива и узнать, далеко ли от Азии до Америки...

Беринг ничего ему не возразил и, казалось, согласился. «Св. Гавриил» продолжал плыть вдоль берегов Азии к северу. Чириков ждал, что азиатский берег начнёт вот-вот отклоняться к западу. Но берег не отклонялся. Так прошло три дня. 13 августа, когда «Св. Гавриил» достиг 65 градусов 30 минут северной широты, Беринг внезапно созвал у себя в каюте совет офицеров и задал вопрос: что делать дальше?

У Беринга была черта, неожиданная в человеке XVIII века, – демократичность. Во всех трудных случаях он любил советоваться, совещаться, выслушивать мнения своих подчинённых, давая им полную волю высказываться и нисколько не сердясь, когда чьё-либо мнение резко противоречило его собственному. Нередко советовался он не только со своими ближайшими помощниками, но даже с простыми матросами. Эта его черта постоянно вызывала множество нареканий и со стороны его современников, и со стороны позднейших исследователей его путешествий. Современники обвиняли Беринга в вялости, в нерешительности, в неумении командовать, в неумении поддерживать дисциплину, позднейшие исследователи – в том, что мы теперь называем перестраховкой, в стремлении спрятаться за мнением других и уйти от ответственности. Но внимательное рассмотрение фактов не подтверждает таких суждений. Беринг с удивительной терпимостью выслушивал все мнения, охотно шёл на мелкие уступки, но в вопросах действительно важных всегда принимал то решение, которое сам считал правильным. По-видимому, его любовь к советам вытекала из уверенности, что в трудных условиях люди охотнее будут выполнять те решения, в принятии которых они сами участвовали.

На совете 13 августа, как мы знаем из судового журнала «Св. Гавриила», были высказаны два противоположных мнения.

Первое мнение высказал Шпанберг. Он предложил идти к северу ещё три дня, а затем повернуть обратно. Рассуждал он так: уже середина августа, лето в этих широтах кончается рано, «Св. Гавриил» может застрять во льдах и что будет дальше – неизвестно.

Второе мнение высказал Чириков. Он утверждал, что цели экспедиции не достигнуты. Неведомо, действительно ли они нашли пролив из Тихого океана в Ледовитый. Неведомо, далеко ли отсюда до Америки. Никаких льдов пока не видно. Следовательно, нужно плыть дальше.

Мнение Чирикова записано в журнале так: «Понеже известия не имеется, до которого градуса ширины простирается восточный берег Азии и поэтому не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкою, ежели не дойдём до устья реки Колымы или до льдов – понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды – того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему Благородию указа, подле земли идти, ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад к устью реки Колымы, до мест показанных в означенном е. и. в. указе; а ежели земля будет поклоняться ещё к северу, то подлежит по двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать...»

Чириков был, несомненно, прав, а Шпанберг, несомненно, не прав. Но Беринг присоединился к мнению Шпанберга и тем решил дело.

Ещё три дня «Св. Гавриил» шёл к северу по проливу, который теперь весь мир называет проливом Беринга. Но Беринг видел только один берег пролива и не мог знать, что это действительно пролив. В сущности, они уже находились в Ледовитом океане. Но Беринг не знал и этого. От Америки его здесь отделяло каких-нибудь 80 километров. Но он и этого не знал. Ему нужна была какая-нибудь неделя, чтобы с полной достоверностью выяснить всё, чего от него требовал Пётр. Но 16 августа, достигнув 67 градусов 8 минут северной широты, «Св. Гавриил» повернул обратно.

1 сентября экспедиция вернулась в устье реки Камчатки и там зазимовала.

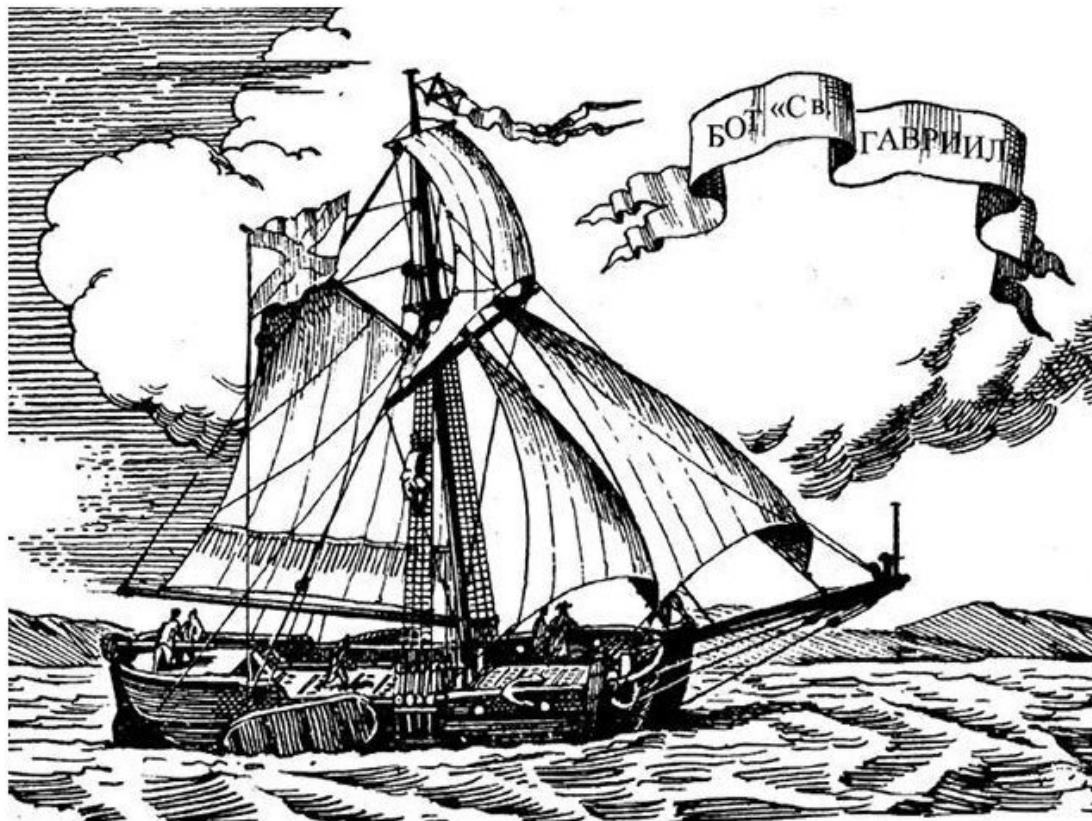
О путешествиях Беринга много писали – и в XVIII веке, и в XIX, и в наше, советское, время. И для всех писавших о первой его экспедиции оставалось непонятным, как Беринг мог не заметить, что инструкция Петра им не выполнена. Как он мог не сознавать, что у него нет окончательных доказательств ни существования пролива между Тихим океаном и Ледовитым, ни того, что Азия не соединена с американской сушей? Как он, потративший столько труда и времени на подготовку экспедиции, проявивший такую твёрдую волю при перевозке грузов, при преодолении бескрайних пространств Сибири, при постройке корабля, мог повернуть, когда был уже почти у цели, и тем легкомысленно поставить под сомнение результаты всех своих многолетних усилий? Этот вопрос задавали многие и не находили ответа – оттого что искали ответ не там, где нужно.

После возвращения на Камчатку все помыслы Беринга были, видимо, направлены к одной цели – как можно скорее вернуться в Петербург. Однако первое время он это тщательно скрывал от своих спутников. Он, несомненно, стремился обезопасить себя от возможных обвинений в том, что инструкция Петра им не выполнена сознательно. Могут, например, сказать, что он не сделал ни одной попытки достигнуть берегов Америки. И он объявил всем членам экспедиции, что будущим летом собирается плыть на «Св. Гаврииле» прямо на восток – к американским берегам. Всю зиму готовились к этому плаванью – ремонтировали и грузили корабль. 5 июня 1729 года «Св. Гавриил» вышел из устья реки Камчатки и двинулся прямо на восток.

Беринг плыл по той части Тихого океана, которая теперь называется Беринговым морем. Ему тогда и в голову не приходило, что потомки назовут это море его именем. На этот раз

он в действительности вовсе не стремился ни пересечь его, ни исследовать. Пройдя двести с небольшим километров, «Св. Гавриил» уже через три дня, 8 июня, изменил курс и пошёл на юг.

Естественно, Беринг не мог всерьёз рассчитывать наткнуться на Америку в двухстах километрах к востоку от Камчатки. Ведь прошлым летом он, плывя Беринговым проливом, находился, несомненно, восточнее и тем не менее на Америку не наткнулся. Повернув на юг, «Св. Гавриил» обогнул южную оконечность Камчатки и вошёл в Охотское море. 23 июня он был уже в Охотске.

Сразу же, не теряя ни дня, Беринг помчался в Петербург. 29 августа он был уже в Якутске. С неслыханной для того времени быстротой он пересёк всю Сибирь и 1 марта 1730 года, после пятилетнего отсутствия, прискакал в Петербург.

Пять лет

Странное поведение Беринга, вдруг как бы оборвавшего своё путешествие, к которому он так усердно и долго готовился, кажется непонятным лишь тому, кто рассматривает историю его экспедиций без связи с теми важнейшими событиями, которые в то время происходили в стране. А между тем судьба экспедиции, созданной по замыслу Петра, полностью зависела от судьбы всех остальных петровских замыслов и дел, вокруг которых как раз в те годы шла ожесточённейшая борьба.

За те пять лет, что Беринг отсутствовал, в Петербурге совершилось множество событий. Менялись императоры на престоле, возвышались и падали временщики, несколько раз круто изменялся весь курс государственной политики. Все эти быстрые перемены отражали напряжённейшую схватку двух борющихся партий – партии сторонников петровских преобразований и партии сторонников возвращения России к тому положению, которое было до Петра. Партия сторонников петровских преобразований состояла главным образом из деятелей Петровской эпохи, безродных людей, выдвинувшихся при Петре из низов. Их поддерживали купцы, промышленники, мелкопоместные и средние дворяне, чиновничество, а также офицеры созданных Петром гвардейских полков. Боролись с ними представители старой русской знати, потомки древних феодальных родов, заседавших некогда в боярской думе, упразднённой Петром, – князья Долгорукие, Голицыны, Трубецкие, Волконские, Репнины. Пётр потеснил старую знать, отстранил её от государственного управления, но у неё остались громадные земельные владения со множеством деревень и крепостных, остались несметные богатства, остались все прежние притязания на власть.

Борьба эта началась сразу после смерти Петра, шла с переменным успехом, долго нельзя было сказать, на чьей стороне останется победа, и вся Россия следила за ней напряжённо и молча. Да и как было не следить, когда от исхода этой борьбы зависели судьбы всего государства, множества учреждений и великого множества отдельных людей. Потомки феодальных боярских родов, жившие на доходы со своих громадных, населённых крепостными вотчин, нисколько не были заинтересованы ни в построенном Петром флоте, ни в построенном им Петербурге, ни в его каналах, ни в его школах, типографиях и академиях, ни в его мерах по освоению Сибири, ни в созданном им централизованном аппарате власти, который ограничивал их произвол. Было ясно, что, если они победят, всё учреждённое Петром пойдёт насмарку. А люди, поддерживавшие Петра, осуществлявшие своими руками его преобразования, будут уничтожены.

Экспедиция Беринга, которая должна была установить близость дальневосточных русских владений к Америке, принадлежала к числу наиболее характерных петровских начинаний, и деятели этой экспедиции, люди безродные, бедные и незащищённые, не могли не понимать, что их ждёт, если власть окажется в руках озлобленных противников петровских преобразований. Не без основания опасались они, что все их заслуги будут поставлены им в вину, и с жадностью и тревогой ловили каждую весть из Петербурга. И эти тревоги, эти вести отражались на всей их деятельности.

Пока на императорском престоле сидела вдова Петра Екатерина Первая, положение сторонников петровских нововведений казалось более или менее прочным. Вся власть была сосредоточена в руках у Меншикова, ближайшего сподвижника Петра. Однако Меншиков всё время чувствовал силу враждебной партии и не прочь был с нею сговориться ценой небольших уступок. Железной воли Петра уже не было у него за спиной, и он не боролся со своими врагами, а пытался задобрить их, раздавая им разные важные государственные посты и тем самым их постепенно усиливая. Положение Меншикова сделалось особенно сложным, когда Екатерина внезапно заболела и стали опасаться её смерти.

У Петра и Екатерины были две дочери – Анна и Елизавета, – и Меншиков вначале склонялся к тому, чтобы провозгласить одну из них наследницей престола. Но он отлично знал, что это вызовет яростное противодействие знати, которая считала законным наследником внука Петра, сына убитого Петром царевича Алексея. Царевич Алексей был сторонником старых порядков, и знать надеялась, что маленький его сынок Пётр Алексеевич будет придерживаться взглядов своего отца, а не деда.

Этому Петру Алексеевичу только что исполнилось тогда одиннадцать лет. И Меншикову показалось, что именно в этом вопросе он может сделать уступку враждебной партии без особого вреда для себя. Знать будет довольна, а одиннадцатилетнего ребёнка нетрудно прибрать к рукам. И когда 6 мая 1727 года императрица Екатерина Первая умерла, он, в обход её дочерей, провозгласил императором Петра Второго.

Первое время всё шло, как было задумано. Меншиков полностью завладел ребёнком-императором. Он даже перевёз его из дворца в свой дом на Васильевский остров. Воспитание его он поручил Остерману – тоже одному из деятелей Петровской эпохи. Мало того, он задумал женить императора на своей дочери Маше и таким образом породниться с царствующим домом. Пётр Второй был слишком юн для женитьбы, но обручение можно было совершить уже сейчас, и Меншиков торжественно обручил его с Машей. Себя самого Меншиков произвёл в генералиссимусы, то есть в самый высокий чин русской армии. Казалось, власть его достигла предела и стала несокрушимой.

Всё это вызвало бешеную ярость родовитой знати. Заговор, поставивший себе целью свергнуть Меншикова, а вместе с ним и все петровские порядки, разрастался. Соратники и друзья Меншикова давно уже чувствовали угрожавшую ему опасность, стали тайно перебежать на сторону его врагов, чтобы обезопасить себя. Предал его и хитрейший, осторожнейший Остерман, которому он поручил воспитание мальчика-императора. Подстрекаемый Остерманом, Пётр II начал грубить своей невесте, поворачивался к Меншикову спиной и требовал, чтобы его перевели обратно во дворец.

Заговорщики, постепенно захватившие важнейшие посты, добились своего. Произошёл государственный переворот. 8 сентября 1727 года Меншиков по повелению молодого императора был арестован. Его сослали в Сибирь, на реку Обь, в Берёзов, где он через два года умер.

Власть захватила старинная русская знать, и прежде всего два самых знатных рода – князья Долгорукие и Голицыны. Долгорукие вели своё происхождение от Рюрика и от основателя Москвы Юрия Долгорукого; Голицыны – от литовского князя Гедимина. Они считали себя несравненно знатнее Романовых – русских царей и императоров. Захватив власть, они стали осторожно, но упорно искоренять всё, что было сделано Петром Первым.

Они перевели столицу России обратно в Москву, подальше от созданного Петром флота, поближе к своим громадным подмосковным имениям. Перевели в Москву важнейшие государственные учреждения, перевезли туда и маленького императора. Теперь у этого мальчика была уже другая невеста – не Маша Меншикова, а Катя Долгорукая. Высшие государственные должности распределяли они, руководствуясь не заслугами, а знатностью. Созданный Петром Правительствующий сенат они лишили всякого значения. Нововведения Петра уничтожались ими постепенно, но неуклонно, и все понимали, что это только начало. В помощь себе они всячески укрепляли униженную Петром церковь и готовились к восстановлению патриаршества.

Вести об этих событиях с поразительной быстротой разносились по всей громадной стране от Балтийского моря до Тихого океана. В те времена не было телеграфа, но тревожным вестям свойственно скакать быстрее любого курьера. Обсуждать эти вести боялись даже с ближайшими друзьями, но значение их понимали отлично – всему затеянному Петром пришёл конец.

И для множества людей это были страшные вести – для всех тех, кто работал вместе с Петром, кто свои руки, шпагу, знания поставил на службу его делу. Для Витуса Беринга это были страшные вести.

Безродный и беззащитный чужеземец, ничем не владевший в России, Беринг был связан с делом Петра всей своей судьбой, всей жизнью. Пётр дал ему офицерский чин, поручал ему командовать кораблями, назначил его начальником экспедиции, предначертывал её задачи. Уже когда до Беринга дошла весть о смерти вдовы Петра Екатерины и о восшествии на престол сына казнённого Петром царевича Алексея, у него появилось достаточно оснований для тревоги за судьбу экспедиции и за своё будущее. О государственном перевороте в Петербурге и о ссылке Меншикова он узнал весной 1728 года, как раз тогда, когда готовился выйти в море на только что построенном «Св. Гаврииле». Надо ли удивляться тому, что Беринг, отлично понимая, с какой бешеной враждой отнесутся враги Петра к петровской затее заново открыть Америку, заволновался, заторопился, отверг предложение Чирикова остаться зимовать на Чукотке, смял конец путешествия и при первой возможности помчался в Петербург, чтобы попытаться предотвратить грозящие удары и узнать, что его ждёт впереди.

Но пока он стремительно скакал через Сибирь в Петербург, в Москве случилось непредвиденное событие – Пётр Второй, которому только что исполнилось четырнадцать лет, вдруг заболел оспой и 19 января 1730 года умер.

Долгорукие и Голицыны стали решать, кому отдать императорскую корону. Старшая дочь Петра Первого к этому времени уже умерла, и оставалась только младшая, Елизавета. Это была двадцатилетняя девушка, здоровая, весёлая, деятельная и очень похожая на отца лицом. Но Долгоруких и Голицыных как раз это и страшило. Они от всей души ненавидели её отца и его новшества. У Петра Первого была племянница Анна, дочь его брата Ивана, с которым когда-то, в детстве, при регентстве царевны Софьи, он вместе сидел на русском престоле. Эту Анну Пётр выдал замуж за герцога Курляндского, но она скоро овдовела и теперь жила у себя в Курляндии, в Митаве. Едва маленький Пётр Второй умер, Долгорукие и Голицыны поспешно, чтобы не дать сторонникам Елизаветы опомниться, провозгласили Анну императрицей.

Они знали, что Анна, не любила своего дядю, и рассчитывали, что она станет их союзницей. Однако, чтобы перестраховать себя на всякий случай, они решили поставить Анне некоторые условия. Эти условия были таковы: Анна царствует, а власть остаётся в руках нескольких старинных аристократических родов. Они написали эти условия и отправили Анне в Митаву на подпись.

И Анна, которой не терпелось царствовать, подписала.

Это было полное торжество антипетровской боярской партии. Но торжество это длилось недолго. 15 февраля 1730 года Анна въехала в Москву и сразу обнаружила, что тут все крайне недовольны властью Долгоруких и подписанными ею условиями. Недовольны были униженные Долгорукими сенаторы, чиновники, купцы, мелкопоместные дворяне и, главное, офицеры созданной Петром гвардии, державшие в своих руках единственную реальную силу – солдат. И Анна сразу сообразила, что ей не нужны ни Долгорукие, ни Голицыны. 25 февраля она порвала ограничивавшие её власть условия, прогнала Долгоруких и объявила, что будет править по заветам Петра.

Случилось это за пять дней до возвращения Беринга в Петербург.

Если бы Беринг вернулся в Петербург до переворота 25 февраля 1730 года, его дальнейшая судьба сложилась бы, вероятно, совсем иначе. Долгоруким и Голицыным не было никакого дела до того, соединяется ли Азия с Америкой и широко ли море между Америкой и Камчаткой. Главное, не было им никакого дела до указа Петра, все петровские затеи были им ненавистны. Если бы Беринг вернулся, когда они стояли у власти, никто не стал бы спрашивать с него отчёта о его путешествии. Он, как петровский деятель, либо попал бы в опалу, либо был

бы отпущен за границу, либо в лучшем случае был бы оставлен на флоте, получил бы какую-нибудь незначительную должность и мирно дожил бы свои дни.

Но всё получилось не так. За пять дней до его приезда Долгорукие и Голицыны были свергнуты, и власть опять находилась в руках у сторонников петровских преобразований. Императрица Анна, никогда прежде не любившая Петра, теперь клялась во всех манифестах, что будет править по заветам своего великого дяди. Петровские указы снова неукоснительно выполнялись.

Беринг отправился в путешествие по приказанию Петра, и, когда он вернулся, от него потребовали подробного отчёта, чтобы установить, точно ли он выполнил всё ему приказанное.

Адмиралтейств-коллегия изучила его отчёт, сравнила с инструкцией Петра и без труда установила, что он её выполнил далеко не всю. Правда, своим плаванием он доказал, что Азия нигде не соединяется с Америкой южнее 67-го градуса северной широты. Но может быть, оба материка соединяются севернее? Кроме того, он вообще не видел американских берегов и, следовательно, не мог дать никакого ответа на вопрос, далеко ли от Азии до Америки.

Таким образом, адмиралтейств-коллегия полностью признала правильность того, что на «Св. Гаврииле» доказывал Берингу Чириков. Инструкция Петра не выполнена, а между тем она должна быть выполнена во что бы то ни стало. Пётр поручил выполнение инструкции Берингу, Шпанбергу и Чирикову. Следовательно, Беринг, Шпанберг и Чириков должны снова отправиться на Тихий океан и не возвращаться, пока не установят, далеко ли от Азии до Америки.

Итак, нужно было всё начинать сначала.

Опять через Сибирь

Лейбниц давно лежал в могиле, но мысль его благодаря приказу Петра двигала людьми, обозами, кораблями. Пётр тоже лежал в могиле, но приказ его никто не мог отменить, хотя те, кто требовал выполнения этого приказа, и те, кто выполнял его, часто очень плохо понимали, зачем нужно его выполнять.

Экспедицию снаряжали заново, и на этот раз задачи, стоявшие перед ней, чрезвычайно расширили. Ей поручили исследовать сибирские берега Ледовитого океана, описать народы, населяющие Сибирь, и точно установить, далеко ли от Камчатки до Японии. Но главное оставалось прежним – Беринг должен был узнать, широко ли море, отделяющее север Азии от севера Америки.

Поняв, что вторая экспедиция неизбежна, Беринг сразу же занялся её подготовкой – с усердием, добросовестностью и упорством. Это очень характерно для него – он всегда бывал на редкость усерден и упорен, когда ясно сознавал, чего от него требуют. Едва исчезли основания для колебаний, которые он проявлял в конце первой своей экспедиции, он перестал колебаться. В разработке всех проектов, наставлений и инструкций, касающихся второй экспедиции, он принял самое деятельное участие. Он подал ряд документов в сенат, в которых излагал свои соображения и пожелания.

Все эти соображения и пожелания носили сугубо практический, хозяйственный характер. Научные цели экспедиции он предоставил формулировать другим, а сам сосредоточил всё своё внимание на практических средствах достижения этих целей, на хозяйственном обеспечении экспедиции. Из этих документов мы видим, что ум у него был прежде всего хозяйственный, практический. Он указывал, как надо запаковывать парусину, чтобы она не испортилась в пути, сколько, какого и к какому сроку потребуется железа для строительства кораблей – с точностью до одного пуда, советовал, где и когда нужно закупать продовольствие, проявляя при этом удивительное по точности знание разницы в ценах в разных местах Сибири. Готовясь к путешествию, он весь ушёл в хозяйственные мелочи. Надо полагать, что его хозяйственно-организаторские способности, его настойчивость и упорство в преодолении практических трудностей были хорошо известны Петру, и, возможно, именно в этом и заключалась причина, почему Пётр поручил осуществление своего заветного замысла не кому-либо другому, а Берингу.

Как я уже сказал, задачи экспедиции значительно расширили по сравнению с теми задачами, которые ставила инструкция Петра. России необходимо было хорошо знать сибирское побережье Ледовитого океана, которым она давно уже владела. Оно было известно только в общих чертах, хотя русские промышленники много раз его посещали. Не существовало точных карт, точных обмеров, – науке приходилось довольствоваться самыми приблизительными данными. Были и совсем белые пятна: очень мало знали об океанском побережье между устьями Енисея и Лены и не знали ничего достоверного о побережье к востоку от устья Колымы. Русское правительство волновал вопрос, возможно ли мореплавание по Ледовитому океану вдоль берегов Сибири. Если бы такое плавание оказалось возможным и если бы к тому же окончательно выяснилось, что Ледовитый океан соединён с Тихим (а на это после первого путешествия Беринга можно было уже серьёзно рассчитывать), то насколько упростился бы путь на Камчатку, в Охотское море, в Америку (если бы она оказалась близко от Камчатки) и во все тихоокеанские страны! Как мы видим, вопрос исследования побережий Ледовитого океана тесно смыкался с задачами, которые Пётр поставил перед Берингом, и нет ничего удивительного в том, что решение этого вопроса поручили тому же Берингу.

Конечно, никто не требовал от Беринга, чтобы он сам занялся исследованием Ледовитого океана. Для этого был создан ряд отдельных групп, которые можно рассматривать как особые экспедиции. Перед каждой группой была поставлена ограниченная и вполне самостоятельная задача. Группа под командованием лейтенанта Дмитрия Леонтьевича Овцына должна была пройти морем из устья Оби в устье Енисея. Группа, руководимая Мининым и Стерлеговым, должна была пройти из устья Енисея в устье Лены. Так как пространство между устьями Енисея и Лены считалось наиболее труднопроходимым, навстречу этой группе – из Лены в Енисей – должна была двигаться другая группа под начальством лейтенанта Прончищева. От устья Лены на восток должна была идти группа под командованием лейтенанта Ласиниуса; этой группе поручено было дойти Ледовитым океаном до мест, которые Беринг посетил в первое путешествие, и, таким образом, окончательно доказать, что Ледовитый океан соединяется с Тихим. Все эти группы должны были действовать самостоятельно, но общее руководство ими было поручено Берингу.

Так же обстояло дело и с проектом плавания от Камчатки в Японию. Беринг не обязан был сам плыть в Японию, но на него возложили и организацию этого плавания, и руководство им. Таким образом, хозяйство Беринга разрослось необычайно, и число его подчинённых выросло во много раз.

Из всех громадных задач, которые стояли перед второй экспедицией в целом, Беринг для себя лично выбрал только одну, которую считал, по-видимому, основной, главной. Так как решение вопроса о существовании пролива между Ледовитым океаном и Тихим поручалось теперь лейтенанту Ласиниусу, Беринг оставил за собой только один вопрос: далеко ли от Камчатки до Америки. Он решил доверить то, что не довершил таким тревожным для него летом 1729 года, – плыть от Камчатки прямо на восток до тех пор, пока он не упрётся в американские берега.

Кроме Шпанберга и Чирикова, Беринг получил себе в помощники трёх опытных морских офицеров – англичанина Вальтона, шведа Свена Вакселя и русского Софрона Хитрова, Академия наук послала с Берингом двух своих учёных – естествоиспытателя Иоганна Гмелина и профессора истории и географии Герарда Миллера. Зарисовывать новооткрытые земли должен был специально для этого приглашённый художник Плениснер.

По просьбе Беринга и по поручению Академии наук астроном Делиль составил карту северной части Тихого океана. На эту карту он нанёс все те географические данные, которые установил Беринг во время первой своей экспедиции, а также всё то небольшое и сомнительное, что ему удалось найти на прежних картах, составленных в Европе. Японские острова он наметил приблизительно, потому что точных сведений о них у европейцев не было. Голландские купцы изредка посещали японский порт Нагасаки, но ничего, кроме этого порта, в Японии не знали. Берега Америки севернее Калифорнии Делиль не нанёс на свою карту вовсе, потому что о них никто ничего не знал.

Американских берегов на карте Делиля не было, но зато на юго-восток от Камчатки и на северо-восток от Японии была обозначена Земля Гамы. Испанский мореплаватель Гама в начале XVII века утверждал, вернувшись из плавания, что в этих местах он видел землю. С тех пор, вот уже сто лет, Земля Гамы обозначалась на всех европейских географических картах. После Гамы никто её больше не видел, и картографы просто срисовывали её один у другого. Так же поступил и Делиль. На его карте она оказалась в соблазнительной близости от русской Камчатки. И естественно, Беринг получил приказание: во время своего предстоящего нового плавания к берегам Америки отклониться несколько к югу и разведать Землю Гамы.

В феврале 1733 года участники экспедиции начали выезжать из Петербурга. На этот раз обоз их был гораздо больше, чем прежде, потому что предполагалось построить на Тихом океане не один корабль, а целый ряд кораблей. Грузы везли на санях до Твери, здесь перегрузили их на баржи и сплавили по Волге в Казань. Из Казани тащили их в Тобольск на подводах. Тут экспедиция зазимовала.

Весной 1734 года Беринг поскакал вперёд, а Чириков и Шпанберг повезли грузы по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Ангаре и Илиму. Зимой добрались до Усть-Кута на Лене. Здесь стали строить лодки, грузить их, когда сошёл лёд, сплавливать их по Лене к Якутску. Грузов на этот раз было очень много, и, чтобы справиться с ними, приходилось насильно стогнать на работы местное население – сибирских крестьян, якутов, ссыльных. Работы были так тяжелы, что люди, особенно ссыльные, стали толпами убегать. Как написано в донесении Беринга сенату, для предотвращения побегов были поставлены «крепкие караулы, а вдоль берегов Лены через каждые 20 вёрст виселица». Надо полагать, это было изобретение Шпанберга. По словам одного участника экспедиции, «виселицы произвели прекрасное действие, так как с этого времени убежало уже весьма немного людей».

Летом 1735 года грузы прибыли по Лене в Якутск. Беринг давно уже их здесь дожидался.

В Якутске

Беринг провёл в Якутске три года – с 1734 по 1737-й. Шпанберга он отправил в Охотск – строить новые корабли и чинить старые. Самым трудным делом была переправка громадных грузов экспедиции по бездорожью из Якутска в Охотск, и Беринг поручил его Чирикову. А сам остался в Якутске.

Трудно пересказать, сколько разных клевет обрушилось на него за это. Его обвиняли в том, что он нарочно оттягивает начало своего плавания. В Петербурге его медлительность вызывала всё растущее раздражение. Из сената и из адмиралтейств-коллегии Беринг получал всё новые и всё более грозные предписания ускорить дело. В медлительности, в намеренной бездеятельности нередко упрекают Беринга и позднейшие исследователи. А между тем все эти упреки совершенно неосновательны. Никогда ещё Беринг не был так деятелен, как во время своей трёхлетней жизни в Якутске, и никогда ещё у него не было так много необходимейшего дела. Для распоряжения четырьмя группами исследователей, двигавшихся вдоль громадного сибирского побережья Ледовитого океана, для общего руководства строительством кораблей и гаваней на Оби, на Енисее, на Лене, на Охотском море, на Камчатке, для управления движением огромных грузов и множества людей через всю Сибирь ему нужен был штаб, командный пункт, и он основал свой командный пункт в Якутске. И несомненно, он поступил разумнейшим образом, потому что более удобного места для координации такого множества дел, разбросанных по такому колоссальному пространству, найти было невозможно. Через Якутск шли все грузы и все партии людей, которые следовали к Охотскому морю, и на Камчатку, и вниз по Лене к двум группам, одна из которых исследовала побережье между Леной и Енисеем, а другая – между Леной и входом в Тихий океан. И проделать всю эту грандиозную подготовительную работу быстрее, чем её проделал Беринг, при тех пространствах и тех средствах сообщения было невозможно.

Тем не менее из Петербурга без конца приходили всё новые и всё более грозные требования ускорить дело. Шли годы, тратились деньги, а результатов пока никаких! В ответ Беринг посылал донесения и письма, в которых подробно объяснял неизбежность и разумность своих поступков. Он не оправдывался, он охотно допускал, что на его месте другой, более способный человек делал бы всё быстрее и добился бы больших успехов, хотя теперь, когда мы беспристрастно рассматриваем его деятельность, нам кажется крайне сомнительным, чтобы кто-нибудь другой в тех условиях мог добиться чего-нибудь быстрее. Во всех письмах Беринга повторялась одна и та же мольба: освободить его от порученного ему Петром дела и позволить вернуться домой. Он доказывал, что слаб здоровьем и стар годами – ему было уже далеко за пятьдесят.

Беринг не знал, что в этом его стремлении освободиться от экспедиции ему очень помогает Шпанберг. Шпанбергу хотелось самому стать начальником экспедиции, и он усердно подкапывался под Беринга. Он писал в сенат и в адмиралтейств-коллегию, что Беринг ничего не делает, сидит безвыходно в Якутске, в тёплой избе, и что если есть в экспедиции хоть один человек, который трудится над выполнением Петрова приказа, так это только он, Шпанберг.

Летом 1737 года экспедиция дала первый результат – лейтенант Дмитрий Овцын на судне «Обь-почтальон» вышел из устья Оби, прошёл по Ледовитому океану и вошёл в устье Енисея, нанеся на карту берега. Донесение об этом успехе привело Беринга в восторг. Никогда ещё ему не был так нужен успех, как сейчас. Он немедленно отправил Овцыну радостное письмо, в котором поздравлял его и благодарил. В этом письме нет ни одной начальственной ноты, всё оно полно дружбы и уважения. Ни в одном документе мягкость, доброта и скромность Беринга не отразились так отчётливо, как в этом письме.

«Весьма радуюся, – писал он Овцыну, – о таком благополучном и ещё до сего необретенном, ныне же счастливо вами сысканном новом пути, причём и вас о том вашем благополучии поздравляю. И прошу, дабы я и впредь приятным вашим уведомлением оставлен не был, чего охотно слышать желаю».

Но Овцыну не суждено было получить это письмо. С ним случилось несчастье.

Зиму с 1736 на 1737 год, готовясь к своему плаванью, Овцын провёл в Берёзове – маленьком городишке на Оби. Это был тот самый Берёзов, в который князья Долгорукие сослали Меншикова, когда власть перешла в руки старинной знати. Меншиков жил в Берёзове со всей семьёй, в том числе и с дочерью Машей, которая была первой невестой малолетнего императора Петра Второго. Там, в Берёзове, Меншиков и умер. Через несколько лет императрица Анна Иоанновна, разорвав условия, навязанные ей знатю, сослала в тот же Берёзов всю семью Долгоруких, в том числе и Катю Долгорукую, вторую невесту Петра Второго. Попав в Берёзов, лейтенант Овцын познакомился с Долгорукими и подружился с княжной Катериной Алексеевной. Долгорукие жили в ссылке трудно, местные чиновники, желая выслужиться, притесняли их. Однажды некий канцелярист Тишин сказал княжне Кате грубость, и Овцын избил его.

Последствия этого рыцарственного поступка сказались не сразу. Летом 1737 года Овцын на своём корабле вышел из Оби в Ледовитый океан и, пробившись через тяжёлые льды, вошёл в устье Енисея. А тем временем побитый канцелярист Тишин отомстил ему. Он отправил в Петербург донос, в котором обвинял Овцына в дружбе с сосланными государственными преступниками и похвалялся своей бдительностью. И когда Овцын с Енисея добрался до Тобольска, его схватили, долго допрашивали в Тайной канцелярии, признали виновным, разжаловали в матросы и отправили под конвоем к Берингу.

Это несчастное происшествие не только перечеркнуло в глазах начальства все заслуги Овцына, впервые проложившего морской путь между Обью и Енисеем, но легло дополнительной тенью на всю экспедицию Беринга. Упрёки в медлительности, которые Беринг получал из Петербурга, превратились в грубые окрики и угрозы. Мало того, Берингу вдвое уменьшили жалованье, что, безусловно, было для него большим лишением.

К довершению всего действия остальных групп, кроме овцынской, исследовавших побережье Ледовитого океана, были поначалу крайне неудачны. Лейтенант Прончищев, плывший из устья Лены на запад, был затёрт льдами, не вынес тяжёлой зимовки, заболел и осенью 1736 года умер. Его спутники с величайшими трудностями вернулись в Якутск, потратив на возвращение больше года. Ещё трагичнее окончилась попытка лейтенанта Ласиниуса совершить плавание на восток от устья Лены. Вскоре после выхода из Лены в океан он тоже был затёрт льдами и вынужден остановиться на зимовку. Во время зимовки умер от цинги и сам Ласиниус и 35 человек его команды. Из всей его группы только восьмерым удалось остаться в живых. Они пешком добрались до Якутска и доложили Берингу о случившемся несчастье.

Обе эти неудачи были тяжёлым ударом для Беринга, особенно вторая, потому что именно погибшему Ласиниусу было поручено найти проход из Ледовитого океана в Тихий. Обе группы нужно было организовывать вновь, а это прежде всего потребовало согласований с Петербургом. На согласования ушло два года. Беринг подобрал для обеих групп новых руководителей: двух лейтенантов, двоюродных братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых. Харитон Лаптев должен был плыть из устья Лены на запад, к Енисею, а Дмитрий – на восток, по пути, который не удалось одолеть Ласиниусу. Выбор Беринга был удачен, оба Лаптевы оказались на высоте поставленных перед ними задач, но результатов добились они не скоро, много позже.

В конце лета 1737 года Беринг переехал из Якутска в Охотск, хотя ещё не все грузы были туда доставлены. В Охотске уже были построены Шпанбергом два корабля: «Архангел Михаил» и «Надежда». Кроме того, Шпанберг отремонтировал старый Берингов корабль «Св. Гавриил». Но приближались осенние бури, и плавание пришлось отложить.

Русские в Японии

К этому времени Беринг был произведён в следующий чин: он стал капитан-командором. Как мы знаем, на это повышение в чине он безуспешно претендовал ещё двадцать лет назад. Чирикова и Шпанберга тоже повысили в чинах: они стали капитанами флота.

Жестокий, грубый, невежественный и всеми ненавидимый Шпанберг был тем не менее одним из самых деятельных членов экспедиции. Наладить строительство кораблей в условиях Охотска было делом необычайно трудным, лежало оно прежде всего на Шпанберге, и Шпанберг хорошо с ним справлялся. К 1738 году три корабля были готовы и три строились, причём два из строившихся были значительно больше всех остальных. Именно эти два больших корабля Беринг предназначал для своего плавания в Америку.

Беда заключалась только в том, что как раз эти большие корабли совсем ещё не были готовы. А тут сенат прислал новую, полную угроз бумагу с требованием немедленно выходить в море. Что было делать?

Шпанберг предложил: поскольку корабли, предназначенные для плавания в Америку, не готовы, совершить на уже готовых кораблях плавание в таинственную Японию. Пусть капитан-командор Беринг сидит в Охотске и следит за постройкой больших кораблей, а он, капитан Шпанберг, тем временем отправится в Японию и вернётся.

Беринг согласился, и Шпанберг стал готовить корабли к выходу в море.

Япония тогда была почти неведомой страной, хотя португальцы и испанцы появились в ней ещё в середине XVI века. Впрочем, знаком им был только самый южный остров Японского архипелага – Кюсю, ни на какие другие свои острова японцы их не пускали. Несколько позже на острове Кюсю появились и голландцы. В середине XVII века японцы, возмущённые кознями понаехавших на остров Кюсю иезуитов, изгнали португальцев и испанцев из страны, к великой радости голландцев. Япония объявила себя «закрытой страной» – ни одному иностранному кораблю отныне не разрешалось приближаться к японским берегам. Но торговля с Европой была Японии жизненно необходима, и поэтому для голландских кораблей было сделано исключение. Однако и им разрешили посещать только одну гавань Нагасаки всё на том же острове Кюсю. Голландцы, дорожа своим монопольным положением, безропотно подчинились этому правилу и не пытались нарушать его. Таким образом, и они знали о Японии очень мало, да и то немного, что знали, держали в строжайшем секрете.

Япония оставалась для европейцев, в том числе и для русских, почти неведомой страной. Никто не знал ни числа японских островов, ни их географического положения, ни их размеров. Японцы при своих редких встречах с европейцами намеренно скрывали все сведения о своей стране и крайне преувеличивали пространство, занимаемое их островами. А между тем все эти сведения вдруг стали чрезвычайно важны для России, потому что Россия, достигнув берегов Тихого океана, оказалась ближайшим соседом Японии.

18 июня 1738 года из Охотска вышли три корабля. «Архангелом Михаилом» командовал сам Шпанберг, «Надеждой» – лейтенант Вальтон, «Св. Гавриилом» – лейтенант Шельтинг. На «Михаиле» было 63 человека, на «Надежде» и «Св. Гаврииле» – по 44. Шпанберг повёл свои корабли прежде всего в Большерецк на восточном побережье Камчатки. 15 июля корабли вышли из Большерецка и направились к югу от Камчатки, вдоль островов Курильской гряды. Расстояния между Камчаткой и Японией Шпанберг не знал и представлял его себе гораздо меньшим, чем оно было в действительности. Русским были известны только самые северные из Курильских островов, и Шпанберга удивило, что гряда тянется так далеко. Остров сменялся островом, а Японии всё не было. Шпанберг заносил каждый остров на карту – и по праву должен считаться первым исследователем Курильских островов. Он прошёл всю Курильскую гряду почти до конца и, если бы продвинулся ещё немного, в то же лето был бы уже в Япо-

нии. Но, отправляясь в путь, он совершил ошибку – захватил с собой мало провизии, так как полагал, что Япония близко, – и теперь стал беспокоиться, что, если плавание затянется, на кораблях начнётся голод. Уже 3 августа он отдал приказ поворачивать и возвращаться на Камчатку. Вальтон попробовал с ним спорить и настаивал на необходимости плыть дальше к югу. Но Шпанберг был непоколебим.

Зимовал Шпанберг на Камчатке, в Большерецке. Он, конечно, отлично понимал, что, так как он не достиг Японии, в Петербурге сочтут, что задачи своей он не выполнил. По сообщениям из Охотска он знал, что строительство больших кораблей движется медленно, и догадывался, что и будущим летом плавание в Америку не состоится. Всё это, несомненно, вызовет гнев петербургского начальства и приведёт к самым тяжёлым последствиям для людей, возглавляющих экспедицию. Оставалось только одно: летом 1739 года снова отправиться к югу и уж на этот раз достигнуть Японии.

В 1739 году флотилия Шпанберга вышла из Большерецка-на-Камчатке очень рано – 21 мая. Как и в прошлом году, она шла к югу вдоль Курильских островов. Вальтон, помня, как прошлым летом Шпанберг внезапно повернул назад, не дойдя до Японии, опасался, как бы это не повторилось и теперь. Сам он решил дойти до Японии во что бы то ни стало. И 14 июня он умышленно увёл свою «Надежду» в сторону от заданного курса и отделился от других кораблей, чтобы никто ничего не мог ему приказывать.

16 июня Шпанберг увидел берега Японии – северо-восточное побережье острова Хондо, самого большого из японских островов. Высадиться Шпанберг не решился, потому что навстречу его кораблям вышло больше тридцати мелких японских судов и русские не были уверены в их дружелюбии. Шпанберг повёл корабли вдоль побережья к югу. Японские суда следовали за ним, не отставая. Только 22 июня Шпанберг отважился стать на якорь. Японские суда окружили его. Настала ночь, но на берегу было беспокойно: то там, то здесь вспыхивали сторожевые огни. Когда рассвело, экипажи кораблей, привыкшие к скудной природе Охотска и Камчатки, привыкшие к безлюдью тогдашних русских побережий, были поражены пышной растительностью, богатством и многолюдством селений.

К кораблям устремились японские лодки с товарами. Японцы продавали рис, табак, солёные огурцы, редьку, рыбу. Они отдавали свои товары за сукна и стеклянный бисер. Бумажных же и шёлковых материй, зеркал, ножей, ножниц не брали, потому что всё это было и в Японии. Торгуя, японцы были учтивы и честны. Шпанберг заметил, что доски, из которых сделаны их лодки, сбиты медными гвоздями и только якоря у них железные. Из этого он заключил, что в Японии мало железа.

В середине дня корабль Шпанберга посетили четыре важных японских чиновника. Они были учтивы до крайности, кланялись очень низко. Шпанберг старался принять их как можно лучше, угостил вином. Так как японцы совсем не знали по-русски, а Шпанберг по-японски, то они никак не могли понять друг друга. Объясниться им удалось только тогда, когда Шпанберг развернул перед ними карту мира. Японцы сразу показали на карте и Японию и Россию. Они знаками объясняли Шпанбергу, что русским кораблям находиться здесь нельзя и что он должен уйти от японских берегов. Корабль они осматривали очень внимательно и, как показалось Шпанбергу, были довольны, что на «Архангеле Михаиле» не было пушек.

Прощаясь со своими гостями на палубе, Шпанберг увидел, что корабли его окружены множеством небольших японских судов и лодок – он насчитал их не меньше восьмидесяти. По его подсчётам, на этих судёнышках находилось 900 человек. Хотя люди эти вели себя очень миролюбиво, Шпанберг опасался внезапного нападения, понимая, что он не в силах будет его отразить. И он поспешил поднять якоря и уйти.

14 августа Шпанберг вернулся на Камчатку, в Большерецк, а оттуда через неделю отправился в Охотск. За время его плавания у него на корабле умерло 13 человек – вероятно, от цинги.

Путешествие Вальтона было интереснее и плодотворнее, потому что его штурману Казимерову удалось побывать на берегу. Как уже говорилось, 14 июня Вальтон умышленно покинул Шпанберга. Через два дня, 16 июня, одновременно со Шпанбергом он увидел берега Японии – тот же остров Хондо. Но подошёл он к нему южнее, чем Шпанберг, и поплыл вдоль берегов к югу. Дня через два он заметил на берегу большой город. Он остановился, но на довольно значительном расстоянии от города, так как подойти близко опасался. 19 июня к «Надежде» подошло японское судно, на котором находилось 18 человек. Вальтон позволил японцам подняться на борт и принял их как мог любезнее. Он старался узнать у них, может ли он высадиться на берег, но они либо не понимали его, либо делали вид, что не понимают. А между тем на «Надежде» уже не хватало пресной воды и съездить за водой было необходимо. Вальтон решил рискнуть: он послал за водой на боте штурмана Казимерова, квартирмейстера Черкашенина и шесть человек солдат. Когда бот подходил к берегу, его окружило множество японских лодок – числом более ста. Они шли так близко от бота, что гребцы задевали их вёслами. На берегу собралась толпа, настроенная приветливо и дружелюбно, – приближающемуся боту кланялись с берега. Едва бот пристал к берегу, японцы схватили бочки, наполнили их пресной водой и принесли назад.

Оставив двух солдат караулить бот, Казимеров с прочими пошёл погулять по городку. В одном доме их угостили вином из фарфоровых чашек и закусками – яблоками, померанцами, редькой в сахаре. В другом доме тоже дали вина и накормили варёным рисом. Казимеров отдаривал хозяев цветным бисером для бус. «Ходил я по слободе, в которой дворов например около полуторы тысячи, – писал Казимеров в донесении. – Строение во оной слободе деревянное и каменное, палаты устроены вдоль по берегу близ моря например версты на три, и жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки с товарами, в которых видел я пестреди бумажные и шёлковые, а иногo вскорости рассмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, також и куриц. А хлеба, по-видимому, кроме рису и гороху у них нет; из овощей имеют виноград, померанцы, шепталу и редис».

Когда Казимеров возвращался на корабль, туда же в небольшой лодке отправился какой-то высокопоставленный японец в роскошном шёлковом платье, с саблей на боку. Он привёз Вальтону в подарок кувшин с вином. Вальтон угостил его водкой, которую японец выпил охотно и умело. Разговаривали они только жестами, но Вальтон отлично понял, что японский офицер требует от него, чтобы он ушёл от японских берегов. «Надежда» со всех сторон была окружена множеством небольших японских судов, в которых сидели вооружённые люди. Вальтон понял намёк, и «Надежда» вышла в открытое море. 22 августа 1739 года Вальтон вернулся в Охотск.

Ещё одну зиму участники экспедиции провели в Охотске. Отношения между ними были дурные – теперь не только Шпанберг, но и Чириков ссорился с Берингом. Все трое жаловались друг на друга в Петербург, и все трое просились в отставку. Большие корабли получили уже названия: один назвали «Св. Петром», другой – «Св. Павлом». Но оба они не были ещё достроены. Не были они готовы и к маю следующего, 1740 года, когда из адмиралтейств-коллегии пришла к Берингу такая бумага:

«Из полученных Коллегиею рапортов усмотрено только одно, что леса заготавливаются и суда строятся и паруса шьются. А к которому времени будут готовы и в надлежащий путь отправятся, о том не показано. Из чего Коллегия иначе рассуждать не может, что оное чинится чрез не малое время от неприлежного старания к скорому по инструкции исполнению, потому что лесам давно надлежало быть приготовленным и судам построенным и парусам сшитым, а не так, как в оном рапорте объявлено: для парусов тех и для такелажа строятся избы. И оное за основательный резон весьма почитать не надлежит; и для того накрепчайше подтверждается: суда, ежели паче чаяния, до получения сего указа не достроены, достраивать и подлежащее всё исправлять, и в путь свой отправляться без всякого замедления, не утруждая, яко излишними,

без всякого действия переписками и не ожидая впредь подтвердительных указов, понеже о том многими, чрез всю его тамо бытность указами накрепчайше подтверждено, и в такое не малое время весьма исправиться без всяких представлений уповательно возможно».

После такой бумаги Берингу стало ясно, что медлить больше нельзя и что всякое промедление навлечёт на него беду. Он стал проявлять торопливость, совершенно несвойственную его предусмотрительному характеру.

Тут случилось примечательное событие. В Охотск прибыл из Петербурга новый человек, которому суждена была в экспедиции Беринга особая и важная роль. Человека этого звали Георг Штеллер.

Человек с дурным характером

Георг Штеллер родился в 1709 году в Германии, в той части Баварии, которая называется Франконией. Это был рыжий немец с оттопыренными ушами, небольшой, коренастый, крепкий, несокрушимого здоровья. Подвижной, любознательный, самоуверенный, он обладал несносным, сварливым характером и особым талантом затевать ссоры со всеми, кого встречал на пути.

Он был сыном мастера сапожного цеха. Ещё в детстве проявил он замечательные способности к наукам. В школе он был лучший ученик. Когда профессора университета и советники городского магистрата приезжали в школу, он единственный мог обратиться к ним с приветственной речью по-латыни. Математику он знал лучше своих преподавателей. Он был великий мастер в черчении географических карт. Но наибольшие успехи он оказывал в естественных науках. Двенадцатилетним мальчиком он уже помогал своему учителю составлять атлас бабочек Юго-Западной Германии. Этот атлас впоследствии был напечатан в университетской типографии. Потом он пристрастился к собиранию птичьих чучел, и граф, владелец соседнего замка, однажды приказал его высечь за незаконную охоту в графском лесу.

Но настоящей страстью Штеллера была ботаника. Из года в год каждое лето он собирал цветы и травы, засушивал их, наклеивал на большие листы белой бумаги и подписывал латинские названия. Эту коллекцию растений он пожертвовал в университет.

Окончив школу и сделавшись студентом, Штеллер продолжал усиленно заниматься. Профессора пророчили ему большую будущность. Но характер его становился всё необузданнее. Он умудрялся ссориться даже с самыми расположенными к нему людьми. Каждый вечер в трактире он устраивал побоища. Приземистый, курносый, плечистый, с длинными узловатыми руками, наделённый необыкновенной силой, он стал грозой университета. Он был до невозможности обидчив и подозрителен. Ему постоянно казалось, что все строят против него козни, что все подсмеиваются над его некрасивым лицом, над его оттопыренными ушами. Порой самое невинное слово выводило его из себя. На воображаемые насмешки он отвечал побоями, на воображаемые козни – кознями. Кончилось тем, что его исключили из университета.

Это был непоправимый удар для всей семьи. Отец Штеллера мечтал, что его Георг станет учёным и выйдет в люди. И вот мечты эти рухнули. Георг остался недоучившимся студентом. Обучать его сапожному ремеслу было уже поздно.

Жизнь Штеллера сделалась мрачной и тягостной. Друзей у него не было, все его сторонились. Человек подвижной и энергичный, он не мог оставаться без дела.

И он решил поехать в Россию.

В XVIII веке энергичным, предприимчивым людям Западной Европы, не находившим применения у себя дома, Россия представлялась страной, где можно добиться необыкновенной удачи. До них постоянно доходили слухи о немецких, голландских, датских солдатах, ремесленниках, учителях, которые в России становились полковниками или академиками. Всякого рода знания и умения ценились в петровской и послепетровской России гораздо выше, чем на Западе. На это и рассчитывал Штеллер.

Кроме того, Россия влекла его к себе просто как искренне любознательного человека. Всё в России было не исследовано, неизвестно – и природа и люди. Неизвестно было даже, насколько далеко она простирается на восток... И, взяв у отца на дорогу восемьдесят талеров, двадцатипятилетний Георг Штеллер двинулся в путь.

Он пешком пришёл в Голландию, в большой торговый город Амстердам. Отсюда уходили корабли во все концы света. Штеллер скоро разыскал корабль, отправлявшийся в молодую столицу Московского государства – в Санкт-Петербург. Капитан корабля вёз в Россию сукно для солдатских мундиров и собирался привезти оттуда груз мехов и льна. Штеллер, здоровый

и сильный, приглянулся капитану. Он согласился взять его с собой в Россию с условием, что бесплатный пассажир будет работать на корабле наравне с простыми матросами.

Плыли они долго. У берегов Дании их потрепала сильная буря. По пути заходили в Любек, Данциг и Ригу. И в середине августа 1734 года прибыли в устье Невы – через год с небольшим после отъезда Беринга в его вторую экспедицию.

Странный город увидел Штеллер. Петербург существовал уже тридцать лет, но ещё полностью сохранял облик новостройки. На низких болотистых островах росла ольха. На пустырях, в грязи, стояло несколько больших прекрасных зданий, отделённых друг от друга речками, лужами, топью. Рвы, канавы, насыпь пересекали город во всех направлениях. Всюду валялись брёвна и серые глыбы гранита. Сосновые сваи торчали из земли, сдерживая рыхлую, готовую расползтись почву. И ни одного моста во всём городе, ни одной замощённой улицы. Только в тех местах, где дорога пересекала трясины и лошади рисковали провалиться в грязь по брюхо, были набросаны булыжники. Да возле дворцов для пешеходов проложили узкие деревянные мостки. Впрочем, жители Петербурга предпочитали ездить друг к другу на лодках: это было удобнее и безопаснее.

Над городом высились два позолоченных шпиля: с правой стороны Невы – шпиль Петропавловской крепости, с левой – шпиль Адмиралтейства. Адмиралтейский шпиль был ещё не окончен – мастера обивали его листовым железом.

Просторный квадратный двор Адмиралтейства был завален дубовыми брёвнами: там строились громады кораблей. Неподалёку возвышался пышный дворец императрицы – так называемый Летний дворец. За ним был разбит прекрасный парк с гротами, беседками, фонтанами. Его называли Летний сад. А дальше шли жалкие хижины бедняков с крышами из древесной коры.

У речки Фонтанки стоял большой сарай, в котором жил слон, подаренный русской царице персидским шахом. Слона каждый день водил гулять высокий араб – «слоновый мастер». За ним бежала толпа любопытных, главным образом солдат. Мальчишки швыряли в слона камнями из-за забора. А за Фонтанкой начинались леса, в которых прятались разбойники и воры.

Штеллеру часто встречались люди с отрезанными ушами, вырезанным языком, с отрубленным носом, с язвами, выжженными на лбу и на щеках калёным железом. Это были следы пыток.

Необузданное богатство и великолепие уживались тут рядом с потрясающей нищетой и грязью. Вельможи обитали в пышных дворцах, окружённые челядью, разъезжали в золочёных каретах. А из дальних губерний каждый год пригоняли толпы крестьян, чтобы рыть канавы и строить дворцы. Не хватало ни лопат, ни заступов, и они землю носили в подолах, камни ворочали голыми руками, а жили в землянках на болоте. Жалованья им не давали, полагалась только пища, да и ту разворовывали чиновники. Наступали холода, и они мёрзли, мёрли; за городом росли обширные кладбища. Но весной пригоняли новые тысячи, а кладбища, переполненные до краёв, сдавали купцам под огороды; так они и назывались – «огороды на могилах».

Сойдя с корабля, Штеллер сел в повозку и затрясся по ухабам в Академию наук. Все академики в то время были немцы. Штеллера принял академик Зигфрид Байер. Штеллер рассказал ему, кто он такой, и попросил устроить его на какую-нибудь работу.

– Хорошо, – сказал Байер, – я попробую определить вас домашним врачом к архиерею Феофану.

– Увы, господин академик, – возразил Штеллер, – я не врач, а ботаник. Правда, я изучал немного и медицинские науки, но благодаря проискам всяких подлецов и изменников мне не удалось кончить университет.

– Ничего, обойдётся, – сказал Байер.

Байер написал архиерею почтительное письмо, в котором рекомендовал ему только что приехавшего из-за границы врача. Штеллер взял письмо и вышел.

Архиерей Новгородский и Ладожский Феофан Прокопович был одним из ближайших сподвижников Петра. Родом украинец, он по праву считался одним из самых умных и образованных людей своего времени. Крупнейший церковный вельможа, он интересовался церковью только как одной из форм государственной власти и был, в сущности, равнодушен к религии. Религию свою он в молодости переменял дважды. Молодым человеком он перешёл из православия в католичество и уехал в Рим, где жил и учился при папском дворе. Он в совершенстве изучил древние и новые языки и, главное, овладел основной наукой католицизма – наукой управлять. Через восемь лет он вернулся на Украину, опять перешёл в православие и стал монахом. После полтавской победы Петра над шведами Феофан Прокопович в соборе, в присутствии Петра произнёс проповедь, в которой прославил подвиг русской армии и её вождя. В своей проповеди он страстно, с глубоким пониманием восхвалял Петровские реформы, и, естественно, Пётр был восхищён таким проповедником. Он взял его с собой в Петербург и вознёс на высокие церковные степени. Отменив патриаршество, Пётр стремился полностью подчинить церковь себе, государственной власти; для этого ему нужны были способные деятели, на которых можно было бы положиться. Таким деятелем стал Феофан Прокопович. Он жестоко подавлял церковный раскол, который был формой оппозиции петровским преобразованиям, он подчинял духовенство воле правительства и заставлял его разъяснять в церквях правительственные взгляды, он писал стихи, в которых прославлял деяния Петра, произносил блестящие проповеди, в которых восхвалял петровские нововведения, объяснял их пользу и призывал на них Божье благословение. После смерти Петра он помог Меншикову возвести на престол Екатерину. Во время короткого царствования Петра Второго он не был свергнут, подобно Меншикову, – ему удалось уцелеть, отсидеться. При императрице Анне Иоанновне он снова оказался на прежней высоте.

Феофан жил в самом конце Петербургской стороны, на берегу речки Карповки. Штеллер сел на извозчика и поехал по прямой как стрела, непролазной от грязи дороге, которая вела на Каменный остров. Вскоре деревянные домишки, окружавшие Петропавловскую крепость, кончились, и по обеим сторонам дороги потянулся хилый болотный лесок. В то время большая часть Петербургской стороны была покрыта лесом.

Извозчик остановился перед скопищем деревянных строений – приземистых церквушек с зелёными куполами, сараев, кладовок, конюшен и кухонь. Посередине стоял одноэтажный длинный деревянный дом с деревянными колоннами у подъезда – покои его преосвященства. По закоулкам дворов и переходов, между ослепительно-белых гусей и курносых поросят беззвучно бродили и беззвучно шептались монахи – длинные, тощие, остробородые, долгополые, в чёрных клобуках.

Георг Штеллер поселился в доме Феофана Прокоповича. Архиерей обошёлся с ним ласково. По-видимому, его прельстила широкая образованность Штеллера: образованные люди в те времена были редки. Феофан хорошо говорил по-немецки, но со Штеллером предпочитал изъясняться по-латыни, так как считал латынь самым благородным и самым учёным из всех языков.

У Феофана была великолепная библиотека в тридцать тысяч томов на самых различных языках. Штеллер набросился на чтение. Жадный до знаний, он всё схватывал на лету.

Феофан интересовался естественными науками, физикой, географией. Он охотно беседовал со Штеллером о новых открытиях и изобретениях. Был у него в доме большой глобус, и они часто разглядывали его вдвоём. Вопрос о том, соединяется ли Азия с Америкой, занимал и Феофана, и он нередко обсуждал его с молодым немцем. Он отлично был знаком с замыслами Петра, с задачами, поставленными перед экспедициями Беринга, и часто рассказывал о них Штеллеру.

Не забывал Штеллер и своей любимой науки – ботаники. Каждым летом Феофан вместе со своим двором переезжал на дачу в Ораниенбаум. Штеллер уходил в поле, в лес, собирал травы, цветы, мхи. Вечером он садился за стол и подробно описывал по-латыни все найденные растения. Таким образом составила замечательная книга – первый научный труд о растительности Северо-Западной России. Впоследствии эта книга была издана, и Штеллер стал основателем русской ботаники.

Вначале он совсем не знал русского языка и поэтому ни с кем не общался, кроме Феофана. Но через год он уже свободно объяснялся по-русски и начал вступать в споры и ссоры с окружающими.

Летом 1736 года Феофан опасно заболел. Штеллер испугался. Если Феофан умрёт, он лишится своего единственного покровителя. Он стал просить Феофана, чтобы тот устроил его на какое-нибудь место.

Феофан дал ему рекомендательное письмо, и Штеллера приняли на службу в Академию наук со званием адъюнкта натуральной истории и отправили на Камчатку под начальство капитан-командора Витуса Беринга.

Осенью умер Феофан, а весной 1737 года Георг Штеллер выехал в Сибирь.

Штеллер едет к Берингу

В те времена от Петербурга до Охотского моря нельзя было проехать скорее чем за год. Штеллер этот путь преодолел за гораздо более долгий срок – за три с половиной года.

Самая длинная дорога в мире – через Сибирь – далась ему нелегко. Ехал он один, чин на нём был маленький, и лошадей он доставал с трудом. Шли дни, недели, месяцы, наступили июльские жары, потом дожди, посыпался осенний жёлтый лист, а Штеллер всё скакал и скакал.

Тянулись дремучие леса. Не раз Штеллера будил ночью близкий волчий вой. Лошади шарахались, потом неслись вперёд, дёргая ушами. Он перебирался через высокие горные хребты, переплывал на плотках реки, широкие, как море. Наступила зима, выпал снег. Штеллера пересадили из повозки в сани и повезли дальше. Стужа леденила кровь, вьюги наметали сугробы, реки превратились в огромные ледяные поля, а Штеллер по-прежнему видел качающуюся на козлах спину ямщика.

Люди встречались до странности редко. Штеллер порой по неделям не видел ни одной деревушки. Эта необъятная страна была пустыней. Лишь порой он нагонял толпу, пешком бредущую по нескончаемой дороге.

– Гей, берегись!

Люди сторонились и оборачивались. Штеллер видел лица, изуродованные калёным железом, голое тощее тело, торчащее из рваных лохмотьев, руки и ноги, переломанные на дыбе. Это были сосланные после пыток в Сибирь на каторжные работы.

Сосланных сопровождали конные казаки с длинными пиками.

– Милостыню, господин! Милостыню, Христа ради! – кричали каторжники, завидя повозку Штеллера.

Подъезжая к Томску ночью, в сорокаградусный мороз, Штеллер схватил воспаление лёгких. Он не болел никогда в жизни, это была его первая болезнь. Он был в беспамятстве, когда его вытащили из саней, и не приходил в себя в течение многих недель.

Уехать из Томска ему удалось только поздней весной. Опять потянулась бесконечная дорога, ещё более пустынная, чем прежде. Шли месяцы. Новое лето сменилось новой осенью, настала зима, а Штеллер всё скакал и скакал. В январе 1739 года он прибыл в Енисейск. В Енисейске Штеллер встретился с естествоиспытателем Миллером, тоже участником Беринговой экспедиции. Миллер приехал в Енисейск по поручению Беринга для закупки разных материалов, необходимых экспедиции. Он обрадовался Штеллеру, потому что мог поручить ему сопровождать обоз, отправляемый на Камчатку. Сам Миллер должен был ещё остаться в Енисейске.

С обозом Штеллер поехал ещё медленнее. Немало прошло времени, прежде чем он прибыл в Иркутск. Тут его ждала новая задержка. Иркутское начальство должно было ему выдать денег на дальнейшее путешествие. В казначействе ему заявили, что деньги ещё не присланы из Петербурга и что придётся подождать.

Пять месяцев просидел Штеллер вместе с обозом в Иркутске, не имея ни копейки на обед, питаясь хлебом и квасом. Наконец приехал сильно запоздавший Миллер и сразу понял, в чём дело. Он невзначай, здороваясь с главным казначеем, сунул ему за рукав двадцать рублей, и деньги Штеллеру были немедленно выданы. Миллер сам взялся сопровождать обоз дальше, и Штеллер ускакал вперёд один.

Наступила уже зима, когда он добрался до реки Лены. Лена замёрзла и превратилась в широчайшую снежную дорогу, тянущуюся на несколько тысяч вёрст. Всю зиму Штеллер мчался в санях по Лене и в мае 1740 года прибыл в Якутск. Здесь он не мог задержаться. Ему нужно было попасть в Охотск до осени.

В те времена между Якутском и Охотском существовали только лесные тропинки. Штеллер сел верхом на оленя и в сопровождении проводника-якута тронулся в путь.

Всё лето ехали они по дремучей тайге. Ночами спали по очереди – три часа якут, три часа Штеллер, – потому что боялись нападения медведей. За три месяца только один раз встретили людей, когда набрели на кочевье тунгусов. Утром 20 августа 1740 года с гор увидели море. А вечером въехали в Охотск.

В бухте стояли два только что построенных корабля. Их поспешно грузили. Они готовились к выходу в море.

Приехав, Штеллер явился к Берингу. Они не понравились друг другу сразу. Мало того, они сразу поссорились. Мы не знаем, в чём там было дело, нам известно только, что уже через несколько дней после приезда Штеллер отправил в сенат донесение, в котором писал: «Во всём принят не так, как по моему характеру принять надлежало, но яко простой солдат, и за подлого от него, Беринга, и от прочих признаван был, и ни к какому совету я им, Берингом, призван был».

Трудно теперь судить, много ли правды в этом донесении. Скорее всего, не много. Мы знаем, что Беринг был демократичен, благожелателен и мягок в своих отношениях с подчинёнными. Когда к нему прислали разжалованного в матросы Овцына, обвиняемого в государственных преступлениях, он не без риска для себя обошёлся с ним на редкость дружелюбно, и матрос Овцын жил с офицерами и исполнял в экспедиции офицерские обязанности. С какой же стати стал бы Беринг унижать адъюнкта Академии наук, которого он видел впервые в жизни? И если между ними при первом же свидании возникла ссора, то естественнее предположить, что виноват в ней был Штеллер. Слишком много у нас есть свидетельств его неуживчивости, нетерпимости и своеволия.

Взаимная неприязнь, возникшая между ними при первом свидании, сохранилась надолго. Впрочем, Беринг был в своей неприязни к Штеллеру очень сдержан, избегал открытой вражды и сносил его совершенно непозволительные выходки с поражающею терпеливостью. Зато Штеллер был нетерпелив и нетерпим. Он оставил нам записки о своём путешествии, в которых страстно, не стесняясь в выражениях, возмущается каждым шагом Беринга, каждым его решением. Надо отдать справедливость и Штеллеру: в его резких суждениях не было почти ничего личного, они продиктованы интересами науки. Всякое пренебрежение к интересам науки он истолковывает как измену, как преступление. В отдельных своих суждениях он часто прав. Не прав он в основном, главном: без Беринга, без его осторожности, мелочной предусмотрительности, практичности, уступчивости, терпеливости ничего из того, что достигла экспедиция, не было бы достигнуто.

Этим двум людям – Берингу и Штеллеру – суждено было стать спутниками в великом трагическом плавании, значительно расширившем наши знания о мире. Но до чего же не сходны были эти два человека!

Беринг был стар и тучен, всякое движение давалось ему с трудом, полная лишений жизнь на краю света была для него тяжела. Штеллер был молод и обладал исключительным здоровьем, в самых тяжких условиях чувствовал себя прекрасно, любые лишения переносил с лёгкостью, не замечая их.

Беринг был человек не слишком образованный, чуждый интересам чистой науки, проявлявший внимание только к тем знаниям и открытиям, которые относились к наиболее близкой ему области – мореплаванию. Штеллер был, безусловно, одним из образованнейших людей своего времени, жадно интересовался вопросами географии, физики, геологии, этнографии, медицины, языкознания, не говоря уже о его основном предмете – ботанике. Не существовало такой длинной дороги, таких тяжёлых испытаний, которые могли бы остановить его, если он надеялся собрать какие-нибудь новые научные сведения.

Беринг был человек государственный, всю жизнь проведший на службе России, понимавший значение своей деятельности для русского государства. Мало того, он был человеком определённой партии, сторонником сподвижников Петра, он крепко связал с ними свою судьбу, разделял их взгляды и проводил эти взгляды в жизнь. Штеллер, напротив, был представителем тех безродных авантюристов, готовых служить любой стране и любой власти, которыми так богат XVIII век. Только искренняя и самоотверженная преданность науке скрашивала его абсолютную беспринципность.

Беринг был человек долга, на нём всегда тяжким грузом лежало сознание ответственности за порученное дело, за подчинённых ему людей, за государственные средства, которыми он распоряжался. Штеллер чувствовал себя совершенно свободным от каких-либо обязательств, отдался науке только из-за своей неукротимой любознательности и нисколько не считал зазорным писать доносы на своих товарищей по путешествию. Если с ним в чём-либо не соглашались, он угрожал жаловаться начальству и исполнял свои угрозы; в архивах сохранилось немало его доносов, несправедливых, вызванных минутной вспышкой гнева. Как резко отличаются от них донесения Беринга, который всегда писал о своих сотрудниках только хорошее и старательно подчёркивал их заслуги!

Они были во всём различны, но плавание в Америку они совершили вместе, и за результаты этого плавания мы должны быть благодарны им обоим.

Штеллер на Камчатке

Только 8 сентября «Св. Пётр» и «Св. Павел» вышли наконец из Охотска в море. Была уже осень, начинались бури, и Беринг, разумеется, в такое время года не собирался плыть в Америку. Но ему необходимо было покинуть Охотск, чтобы избежать гнева начальства, уже окончательно выведенного из терпения. Он шёл на Камчатку, чтобы будущим летом с Камчатки начать своё плавание. Он пересёк Охотское море и прежде всего зашёл в Большерецк – на западном побережье Камчатки. Там он оставил нескольких человек, в том числе и Штеллера. Сам он собирался на своих кораблях немедленно идти вокруг южной оконечности Камчатки к восточному побережью и там зимовать.

Штеллеру он приказал добираться до него по суше к весне будущего года. Видимо, они оба стремились к разлуке.

На восточном побережье Камчатки Беринг на этот раз привёл свои корабли в Авачинскую бухту – одну из лучших гаваней мира. Ограждённая со всех сторон горами, соединённая узким проливом с Тихим океаном, эта бухта может вместить в своих спокойных глубоких водах целый флот. Беринг слышал о замечательной Авачинской бухте ещё во время первого своего плавания. Весной 1740 года он отправил туда несколько плотников, которые построили на её берегу пять изб, три казармы и три амбара. «Св. Пётр» и «Св. Павел» вошли в Авачинскую бухту 6 октября. С этого дня посёлок на берегу бухты стал называться Петропавловском.

В Петропавловске Беринг провёл зиму. Весной туда перебрался и Штеллер. Недружелюбно принятый офицерами, Штеллер сошёлся с плотниками и казаками. В обществе простых людей ему было легко и весело. Они не задевали его болезненного самолюбия, к начальству относились со скрытой враждебностью, и он чувствовал в них своих единомышленников.

Каждому участнику экспедиции, кроме простых матросов, полагался денщик. Беринг распорядился, чтобы Штеллеру тоже дали денщика. И в избушке Штеллера поселился казак Савва Стародубцев, который чистил ему сапоги и варил обед.

Штеллер подружился со своим денщиком. Савва был рослый, степенный бородатый мужик. По натуре домосед, он не понимал, зачем это людям надо ездить на край света, когда можно сидеть у себя в деревне.

– Такая наша казачья жизнь, – жаловался он Штеллеру. – Нас всегда куда-нибудь гонят.

Он чудесно знал природу Сибири. Услышав в лесу птичий свист, он мог сказать, какая это птица, где она живёт, чем питается, как на неё надо охотиться. Ему были известны все звериные повадки, все деревья и травы. Он дал Штеллеру множество ценных сведений, которых усердный ботаник нигде не мог раздобыть, – когда цветут какие цветы, когда поспевают какие ягоды.

Подружился Штеллер и с живописцем Плениснером, прикомандированным к экспедиции, чтобы зарисовывать достопримечательности всех неведомых стран, которые посетят путешественники. Плениснер рисовал не слишком хорошо, но зато был страстный охотник. Он завёл на Камчатке свору собак и травил зайцев, стрелял белок, уток, соболей, песцов, ходил даже на медведя.

Штеллер сопровождал Плениснера на охоте, изучал местность и однажды взобрался с ним на вершину Авачинского вулкана, одного из самых крупных на Камчатке. Стоя у края дымящегося кратера, он рассуждал о причинах землетрясений. Скромный Плениснер слушал и молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.